

Соловьев В. Полное собрание сочинений filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Владимир Сергеевич Соловьев

Полное собрание стихотворений.

«... В исключительной одаренности Владимира Соловьева поэтический талант не является самой блестящей гранью. Художник в своей прозе, он часто в своих стихах – только мыслитель. К собственным стихотворениям нередко пишет он подстрочный комментарий и вообще относится к ним умно. Но, не говоря уже о том, что от общей гениальности Соловьева вспыхивают искры и в отдельных его стихотворениях, они все, взятые в целом, представляют собою очень важную и характерную страницу его творчества, незаменимо дополняют его роскошную духовную трапезу. Формой своей немало обязанные влиянию фета и Алексея Толстого, они по существу своеобразны и самостоятельны. В них живут мысли и чувства, в них есть религиозно-философское мировоззрение и лирическая исповедь.

...как ни молитвенны, как ни возвышенны, как ни прекрасны иные его стихотворения, в них вторгается не всегда уместный, но всегда ему свойственный элемент шутливости. Любитель комикки, мастер смеха, обладатель каламбуров, он этим нарушает иногда то впечатление религиозной сосредоточенности, которое одно только и было бы желанно. Вообще, Соловьев слишком остроумен, ироничен и слишком разносторонен; ...»

«Природа с красоты своей...»

Природа с красоты своей
Покрова снять не позволяет,
И ты машинами не вынудишь у ней,
Чего твой дух не угадает.

<1872>

Прометею

Когда душа твоя в одном увидит свете
Ложь с правдой, с благом зло,
И обоймет весь мир в одном любви привете,
Что есть и что прошло;
Когда узнаешь ты блаженство примиренья;
Когда твой ум поймет,
Что только в призраке ребяческого мненья
И ложь, и зло живет, –
Тогда наступит час – последний час творенья.
Твой свет одним лучом
Рассеет целый мир туманного виденья
В тяжелом сне земном:
Преграды рушатся, расплавлены оковы
Божественным огнем,
И утро вечное восходит к жизни новой
Во всех, и все в Одном.

Август 1874

«Лишь год назад – с мучительной тоскою...»

Лишь год назад – с мучительной тоскою,
С тоской безумною тебя я покидал,
И мнилось мне – навеки я с тобою
И жизнь, и свет, и счастье потерял.
Лишь год прошел – в ничтожестве забвенья
Исчезла ты, как давний, давний сон,
И лишь порой я вспомню на мгновенье
Былые дни, когда мне снился он.

23 декабря 1874

«Как в чистой лазури затихшего моря...»

Как в чистой лазури затихшего моря
Вся слава небес отражается,
Так в свете от страсти свободного духа
Нам вечное благо является.
Но глубь недвижимая в мощном просторе
Всё та же, что в бурном волнении, –
Могучий и ясный в свободном покое,
Дух тот же и в страстном хотении.
Свобода, неволя, покой и волненье

Проходят и снова являются,
А он всё один, и в стихийном стремленье
Лишь сила его открывается.
март 1875

«В сне земном мы тени, тени...»

В сне земном мы тени, тени...

Жизнь – игра теней,
Ряд далеких отражений
Вечно светлых дней.

Но сливаются уж тени,
Прежние черты
Прежних ярких сновидений
Не узнаешь ты.

Серый сумрак предрассветный
Землю всю одел;

Сердцем вещим уж приветный
Трепет овладел

Голос вещей не обманет.

Верь, проходит тень, –

Не скорби же: скоро встанет

Новый вечный день.

9 июня 1875

«Хоть мы навек незримыми цепями...»

Хоть мы навек незримыми цепями

Прикованы к нездешним берегам,

Но и в цепях должны свершить мы сами

Тот круг, что боги очертили нам.

Всё, что на волю высшую согласно,

Своею волей чуждую творит,

И под личиной вещества бесстрастной

Везде огонь божественный горит.

Между 29 июня и 28 октября 1875

«Вся в лазури сегодня явилась...»

Вся в лазури сегодня явилась

Преодо мною царица моя, –

Сердце сладким восторгом забилося,

И в лучах восходящего дня

Тихим светом душа засветилась,

А вдали, догорая, дымилось

Злое пламя земного огня.

Конец ноября 1875

Каир

«У царицы моей есть высокий дворец...»

У царицы моей есть высокий дворец,

О семи он столбах зототых,

У царицы моей семигранный венец,

В нем без счету камней дорогих.

И в зеленом саду у царицы моей

Роз и литий краса расцвела,

И в прозрачной волне серебристый ручей

Ловит отблеск кудрей и чела.

Но не слышит царица, что шепчет ручей,

На цветы и не взглянет она:

Ей туманит печаль свет лазурных очей,

И мечта ее скорби полна.

Она видит далеко, в полночном краю

Средь морозных туманов и вьюг,

С злою силою тьмы в одиночном бою

Гибнет ею покинутый друг.

И бросает она свой алмазный венец,

Оставляет чертог золотой

И к неверному другу, – нежданный пришлец –

Благодатной стучится рукой.

И над мрачной зимой молодая весна –

Вся сияя, склонилась над ним

И покрыла его, тихой ласки полна,

Лучезарным покровом своим.

И низринуты темные сипы во прах,

Чистым пламенем весь он горит,

И с любовью вечной в лазерных очах

Тихо другу она говорит:

«Знаю, воля твоя волн морских не верней:

Ты мне верность клялся сохранить
Клятве ты изменил, – но изменой своей
Мог ли сердце мое изменить?»

Между концом ноября 1875 и 6 марта 1876
Каир

«Близко, далёко, не здесь и не там...»

Близко, далёко, не здесь и не там,
В царстве мистических грез,
В мире, невидимом смертным очам,
В мире без смеха и слез,
Там я, богиня, впервые тебя
Ночью туманной узнал.

Станным ребенком был я тогда,
Станные сны я видал.

В образе чуждом являлася ты,
Смутно твой голос звучал,
Сметным созданием детской мечты
Долго тебя я считал.

Ныне опять ты являешься мне
С лаской нежданной любви,
Вижу тебя я уже не во сне,
Ясны мне речи твои.

Мне оглушенному в мире чужом
Гулом невнятных речей,
Вдруг прозвучало в приветии твоём
Слово отчизны моей.

Голос отчизны в волшебных речах,
В свете лазурных очей,
Отблеск отчизны в эфирных лучах,
В золоте чудных кудрей.

Всё, чем живет мое сердце и ум,
Все, что трепещет в груди,
Все силы чувства, желаний и дум
Отдал я в руки твои.

Деспот угрюмый, холодное «я»,

Гибель почуя, дрожит,
Издалека лишь завидел тебя,
Стихнул, бледнеет, бежит.

Пусть он погибнет, надменный беглец;

В вольной неволе и в смерти живой,

Я и алтарь, я и жертва, и жрец,

С мукой блаженства стою пред тобой.

Между концом ноября 1875 и 6 марта 1876

Каир

Песня Офитов

Белую лилию с розой,

С алою розою мы сочетаем.

Тайной пророческой грезой

Вечную истину мы обретаем.

Вещее слово скажите!

Жемчуг свой в чашу бросайте скорее!

Нашу голубку свяжите

Новыми кольцами древнего змея.

Вольному сердцу не больно...

Ей ли бояться огня Прометея?

Чистой голубке привольно

В пламенных кольцах могучего змея.

Пойте про ярые грозы,

В ярой грозе мы покой обретаем...

Белую лилию с розой,

С алою розою мы сочетаем.

Начало мая 1876

VIS EJUS INTEGRATA SI VERSA FUERIT IN TERRAM[1]

Истинно тот есть любимец богов, кто жизни весною

Миртом главы не венчал, кого только в грезах манила

Нежной рукой золотая царица Китеры. Дарами

Муз и харит небогатый, пусть древнего Кроноса семья

В сердце глубоко таит он и думой угрюмой питает.

Рано иль поздно пробьется наружу сокрытое пламя,

Молнией вспыхнет и землю широким охватит пожаром.

Всё, что в груди хоронилось, что образа тщетно искало:

Гордого духа порывы и нежность любви беспредельной, –

Всё то в одну непреклонную силу сольется, волшебным

Мощным потоком все думы людские обнимет,

Цепь золотую сомкнет и небо с землей сочетает.

16 мая 1876

«Что роком суждено, того не отражу я...»

Что роком суждено, того не отражу я

Бессильной, детской волею своей.

Покинут и один, в чужой земле брожу я,

С тоской по небу родины моей.

Звезда моя вдали сияет одиноко.

В волшебный край лучи ее манят...

Но неприступен этот край далекий,

Пути к нему не радость мне сулят.

Прости ж – и лишь одно последнее желанье,

Последний вздох души моей больной:

О, если б я за горькое страданье,

Что суждено мне волей роковой,

Тебе мог дать золотые дни и годы,

Тебе мог дать все лучшие цветы,

Чтоб в новом мире света и свободы

От злобной жизни отдохнула ты!

Чтоб смутных снов тяжелые виденья

Бежали все от солнечных лучей,

Чтоб на всемирный праздник возрожденья

Явилась ты всех чище и светлей.

Июнь 1875 – 1877

«Взгляни, как ширь небес прозрачна и бледна...»

Взгляни, как ширь небес прозрачна и бледна,

Как тянутся лучи в саду полураздетом...

О, что за чудный час меж сумраком и светом, [2]

Что за святая тишина!

Прислушайся, взглядишь... безмолвие и лень!..

Не кажется ль тебе, что мир уж не проснется,

Что солнце из-за туч вовек не вознесется

И что настал последний день?

18 августа 1878

«Газели пустынь ты стройнее и краше...»

Газели пустынь ты стройнее и краше,

И речи твои бесконечно-бездонны –

Туранская Эва, степная Мадонна,

Ты будь у Аллаха заступницей нашей.

И всяк, у кого нечто бьется налево,

Лежит пред тобой, не вставая из праха.

Заступницей нашей ты будь у Аллаха,

Степная Мадонна, Туранская Эва!

Август 1878

Отрывок

Зачем тебе любовь и ласки,

Коль свой огонь в груди горит

И целый мир волшебной сказки

С душой так внятно говорит;

Когда в синеющем тумане

Житейский путь перед тобой,

А цель достигнута заране,

Победа предваряет бой;

Когда серебряные нити

Идут из сердца в область грез...

О, боги вечные! возьмите

Мой горький опыт и верните

Мне силу первых вешних гроз!..

1878

«В былые годы любви невзгоды...»

В былые годы любви невзгоды

Соединяли нас,

Но пламень страсти не в нашей власти,

И мой огонь угас.

Пускай мы ныне в мирской пустыне

Сошлись опять вдвоем, –

Уж друг для друга любви недуга

Мы вновь не принесем.

Весна умчалась, и нам осталась
Лишь память о весне
Средь жизни смутной, как сон минутной,
Как счастье во сне.

1878

«Уходишь ты, и сердце в час разлуки...»
Уходишь ты, и сердце в час разлуки
Уж не звучит желаньем и мольбой;
Утомлено годами долгой муки,
Ненужной лжи, отчаянья и скуки,
Оно сдалось и смолкло пред судьбой.
И как среди песков степи безводной
Белеет ряд покинутых гробов,
Так в памяти моей найдут покой холодный
Гробницы светлых грез моей любви бесплодной,
Невыраженных чувств, невысказанных слов.
И если некогда над этими гробами
Нежданно прозвучит призывный голос твой,
Лишь отзвук каменный застывшими волнами
О той пустыне, что лежит меж нами,
Тебе пошлет ответ холодный и немой.

1880

Посвящение к неизданной комедии
Не жди ты песен стройных и прекрасных,
У темной осени цветов ты не проси!
Не знал я дней сияющих и ясных,
А сколько призраков недвижных и безгласных
Покинуто на сумрачном пути.
Таков закон: всё лучшее в тумане,
А близкое иль больно, иль смешно.
Не миновать нам двойственной сей грани:
Из смеха звонкого и из глухих рыданий
Созвучие вселенной создано.
Звучи же смех свободною волною,
Негодования не стоят наши дни.
Ты, муза бедная, над смутною стезею
Явись хоть раз с улыбкой молодою
И злую жизнь насмешкою незлою
Хотя на миг один угомони.

1880

«О, как в тебе лазури чистой много...»
О, как в тебе лазури чистой много
И черных, черных туч!
Как ясно над тобой сияет отблеск бога,
Как злой огонь в тебе томителен и жгуч.
И как в твоей душе с невидимой враждою
Две силы вечные таинственно сошлись,
И тени двух миров, нестройною толпою
Теснясь к тебе, причудливо сплелись.
Но верится: пройдет сверкающий громами
Средь этой мглы божественный глагол,
И туча черная могучими строями
Прорвется вся в опустошенный дол.
И светлую росой она его омоет,
Огонь стихий враждебных утолит,
И весь свой блеск небесный свод откроет
И всю красу земли недвижно озарит.

1881

«В стране морозных вьюг, среди седых туманов...»
В стране морозных вьюг, среди седых туманов
Явилась ты на свет,
И, бедное дитя, меж двух враждебных станов
Тебе приюта нет.
Но не смутят тебя воинственные клики,
Звон лат и стук мечей,
В раздумье ты стоишь и слушаешь великий
Завет минувших дней:
Как древле вышний бог избраннику еврею
Открыться обещал,
И бога своего, молитвой пламенея,

Пророк в пустыне ждал.
Вот грохот под землей и гул прошел далёко,
И меркнет солнца свет,
И дрогнула земля, и страх объял пророка,
Но в страхе бога нет.
И следом шумный вихрь и бурное дыханье,
И рокот в вышине,
И с ним великий огонь, как молнии сверканье,—
Но бога нет в огне.
И смолкло все, укрощено смятенье,
Пророк недаром ждал:
Вот веет тонкий хлад, [3] и в тайном дуновенье
Он бога угадал.

1882

Три подвига
Когда резцу послушный камень
Предстанет в ясной красоте
И вдохновенья мощный пламень
Даст жизнь и плоть твоей мечте,
У заповедного предела
Не мни, что подвиг совершен,
И от божественного тела
Не жди любви, Пигмалион!
Нужна ей новая победа:
Скала над бездною висит,
Зовет в смятенье Андромеда
Тебя, Персей, тебя, Алкид!
Крылатый конь к пучине прынул,
И щит зеркальный вознесен,
И опрокинут — в бездну канул
Себя увидевший дракон.
Но незримый враг восстанет,
В рог победный не зови —
Скоро, скоро тризной станет
Праздник счастья и любви.
Гаснут радостные клики,
Скорбь и мрак и слезы вновь...
Эвридики, Эвридики
Не спасла твоя любовь.
Но воспрянь! душой недужной
Не склоняйся пред судьбой,
Беззащитный, безоружный,
Смерть зови на смертный бой!
И на сумрачном пороге,
В сонме плачущих теней
Очарованные боги
Узнают тебя, Орфей!
Волны песни всепобедной
Потрясли Аида свод,
И владыка смерти бледной
Эвридику отдает.

1882

«Под чуждой властью знойной вьюги...»
Под чуждой властью знойной вьюги,
Виденья прежние забыв,
Я вновь таинственной подруги
Услышал гаснущий призыв.
И с криком ужаса и боли,
Железом схваченный орел —
Затрепетал мой дух в неволе
И сеть порвал, и ввысь ушел.
И на заоблачной вершине
Пред морем пламенных чудес
Во всесияющей святыне
Он загорелся и исчез.

1852

«Бескрылый дух, землю полоненный...»
Бескрылый дух, землю полоненный,
Себя забывший и забытый бог...
Один лишь сон — и снова, окрыленный,
Ты мчишься ввысь от суетных тревог.

Неясный луч знакомого блистанья,
Чуть слышный отзвук песни неземной, –
И прежний мир в немеркнущем сиянье
Встает опять пред чуткою душой.
Один лишь сон – и в тяжком пробужденье
Ты будешь ждать с томительной тоской
Вновь отблеска нездешнего виденья,
Вновь отзвука гармонии святой.
Июнь 1883

«В тумане утреннем неверными шагами...»
В тумане утреннем неверными шагами
Я шел к таинственным и чудным берегам.
Боролася заря с последними звездами,
Еще летали сны – и, схваченная снами,
Душа молилася неведомым богам.
В холодный белый день дорогой одинокой,
Как прежде, я иду в неведомой стране.
Рассеялся туман, и ясно видит око,
Как труден горный путь и как еще далёко,
Далёко всё, что грезилось мне.
И до полуночи неробкими шагами
Всё буду я идти к желанным берегам,
Туда, где на горе, под новыми звездами,
Весь пламенеющий победными огнями,
Меня дождется мой заветный храм.
<1884>

А. А. Фету, 19 октября 1881 г.
Перелетев на крыльях лебединых
Двойную грань пространства и веков,
Подслушал ты на царственных вершинах
Живую песнь умолкнувших певцов.
И приманил твой сладкозвучный гений
Чужих богов на наши берега,
И под лучом воскресших песнопений
Растаяли сарматские снега.
И пышный лавр среди степи нелюдимой
На песнь твою расцвел и зашумел,
И сам орел поэзии родимой
К тебе с высот невидимых слетел. [4]
Октябрь 1884

«От пламени страстей, нечистых и жестоких...»
От пламени страстей, нечистых и жестоких,
От злобных помыслов и лживой суеты
Не исцелит нас жар порывов одиноких,
Не унесет побег тоскующей мечты.
Не среди житейской мертвенной пустыни,
Не на распутье праздных дум и слов
Найти нам путь к утраченной святыне,
Напасть на след потерянных богов.
Не нужно их! В безмерной благостыне
Наш бог земли своей не покидал
И всем единый путь от низменной гордыни
К смиренной высоте открыл и указал.
И не колеблются Сионские твердыни,
Саронских пышных роз не меркнет красота,
И над живой водой, в таинственной долине,
Святая лилия нетленна и чиста.

23 декабря 1884
L'ONDA DAL MAR' DIVISA [5]
Волна в разлуке с морем
Не ведает покою,
Ключом ли бьет кипучим,
Иль катится рекою, –
Всё ропщет и вздыхает,
В цепях и на просторе,
Тоскуя по безбрежному,
Бездонном синем море.
1884

«Пора весенних гроз еще не миновала...»
Посвящается В. Л. Величко
Пора весенних гроз еще не миновала,

А уж зима пришла,
И старость ранняя нежданно рассказала,
Что жизнь свое взяла.
И над обрывами бесцельного блуждания
Повис седой туман.
Душа не чувствует бывалого страдания,
Не помнит старых ран.
И, воздух горный радостно вдыхая,
Я в новый путь готов,
Далеко от цветов увянувшего мая,
От жарких летних снов.
Начало января 1885

«Восторг души расчетливым обманом...»
Восторг души расчетливым обманом
И речью рабскою – живой язык богов,
Святыню муз – шумящим балаганом
Он заменил и обманул глупцов.
Когда же сам, разбит, разочарован,
Тоскуя, вспомнил он святую красоту,
Бессильный ум, к земной пыли прикован,
Напрасно призывал нетленную мечту.
Былой любви пленительные звуки
Вложить в скорбящий стих напрасно он хотел.
Не поднялись коснеющие руки,
И бледный призрак тихо отлетел.
январь 1885

«Там, под липой, у решетки...»
Там, под липой, у решетки,
Мне назначено свиданье.
Я иду, как агнец кроткий,
Обреченный на закланье.
Всё как прежде: по высотам
Звезды старые моргают,
И в кустах по старым нотам
Соловьи концерт играют.
Я порядка не нарушу...
Но имей же состраданье!
Не томи мою ты душу,
Отпусти на покаянье!
1886
В землю обетованную
Посв<ящается> А.П. Соломону
«Покинь скорей родимые пределы,
И весь твой род, и дом отцов твоих,
И как стрелку его покорны стрелы –
Покорен будь глаголам уст моих.
Иди вперед, о прежнем не тоскуя,
Иди вперед, всё прошлое забыв,
И всё иди, – доколь не укажу я,
Куда ведет любви моей призыв».
Он с ложа встал и в трепетном смущенье
Не мог решить, то истина иль сон...
Вдруг над главой промчалось дуновенье
Нездешнее – и снова слышит он:
«От родных многоводных Халдейских равнин,
От нагорных лугов Арамейской земли,
От Харрана, где дожил до поздних седин,
И от Ура, где юные годы текли, –
Не на год лишь один,
Не на много годин,
А на вечные веки уйди».
И он собрал дружину кочевую,
И по пути воскреснувших лучей
Пустился в даль туманно-голубую
На мощный зов таинственных речей:
«Веет прямо в лицо теплый ветер морской,
Против ветра иди ты вперед,
А когда небосклон далеко пред тобой
Вод великих всю ширь развернет, –
Ты налево тогда свороти
И вперед поспешай,

По прямому пути,
На пути отдыхай,
И к полудню на солнце гляди, –
В стороне ж будет град или весь,
Мимо ты проходи,
И иди, всё иди,
Пока сам не скажу тебе: здесь!
Я навеки с тобой;
Мой завет сохрани:
Чистым сердцем и крепкой душой
Будь мне верен в ненастье и в ясные дни;
Ты ходи предо мной
И назад не гляди,
А что ждет впереди –
То откроется верой одной.
Се, я клялся собой,
Обещал я, любя,
Что воздвигну всемирный мой дом из тебя,
Что прославят тебя все земные края,
Что из рода потомков твоих
Выйдет мир и спасенье народов земных».
Январь 1886

«Земля-владычица! К тебе чело склонил я...»
Земля -владычица! К тебе чело склонил я,
И сквозь покров благоуханный твой
Родного сердца пламень ощутил я,
Услышал трепет жизни мировой.
В полуденных лучах такую негой жгучей
Сходила благодать сияющих небес,
И блеску тихому несли привет певучий
И вольная река, и многошумный лес.
И в явном таинстве вновь вижу сочетанье
Земной души со светом неземным,
И от огня любви житейское страданье
Уносится, как мимолетный дым.
Май 1886

«Какой тяжелый сон! В толпе немых видений...»
Какой тяжелый сон! В толпе немых видений,
Теснящихся и реющих кругом,
Напрасно я ищу той благодатной тени,
Что тронула меня своим крылом.
Но только уступлю напору злых сомнений,
Глухой тоской и ужасом объят, –
Вновь чую над собой крыло незримой тени,
Ее слова по-прежнему звучат.
Какой тяжелый сон! Толпа немых видений
Растет, растет и заграждает путь,
И еле слышится далекий голос тени:
«Не верь мгновенному, люби и не забудь!..»
1885, июнь 1886

В Альпах
Мыслей без речи и чувств без названия
Радостно-мощный прибой.
Зыбкую насыпь надежд и желаний
Смыло волной голубой.
Синие горы кругом надвигаются,
Синее море вдали.
Крылья души над землей поднимаются,
Но не покинут земли.
В берег надежды и в берег желаний
Плещет жемчужной волной
Мыслей без речи и чувств без названия
Радостно-мощный прибой.
Август 1886

Осеннею дорогой
Меркнет день Над усталой, поблекшей землей
Неподвижные тучи висят.
Под прощальным убором листвы золотой
И березы, и липы сквозят.
Душу обняли нежно-тоскливые сны,
Замерла бесконечная даль,

И роскошно-блестящей и шумной весны
Примиренному сердцу не жаль.

И как будто земля, отходя на покой,
Погрузилась в молитву без слов,
И спускается с неба невидимый рой
Бледнокрылых, безмолвных духов.

Осень 1886

«Безрадостной любви развязка роковая...»

Безрадостной любви развязка роковая!

Не тихая печаль, а смертной муки час...

Пусть жизнь—лишь злой обман, но сердце, умирая,

Томится и болит, и на пороге рая

Еще горит огнем, что в вечности погас.

1 января 1887

«Друг мой! Прежде, как и ныне...»

Друг мой! прежде, как и ныне,

Адониса отпевали.

Стон и вопль стоял в пустыне,

Жены скорбные рыдали.

Друг мой! прежде, как и ныне,

Адонис вставал из гроба,

Не страшна его святыне

Вражьи сил слепая злоба.

Друг мой! ныне, как бывало,

Мы любовь свою отпели,

А вдали зарю алой

Вновь лучи ее зардели.

3 апреля 1887

«Бедный друг, истомил тебя путь...»

Бедный друг, истомил тебя путь,

Темен взор, и венки твой измят.

Ты войди же ко мне отдохнуть.

Потускнел, догорая, закат.

Где была и откуда идешь,

Бедный друг, не спрошу я, любя;

Только имя мое назовешь —

Молча к сердцу прижму я тебя.

Смерть и Время царят на земле,—

Ты владыками их не зови;

Всё, кружась, исчезает во мгле,

Неподвижно лишь солнце любви.

18 сентября 1887

«Не по воле судьбы, не по мысли людей...»

Не по воле судьбы, не по мысли людей,

Не по мысли твоей я тебя полюбил,

И любовь вещей моей

От невидимой злобы, от тайных сетей

Я тебя ограждал, я тебя оградил.

Пусть собираются тучи кругом,

Веет бурей зловещей и слышится гром,

Не страшися! Любви моей щит

Не падет перед темной судьбой.

Меж небесной грозой и тобой

Он, как встарь, неподвижно стоит.

А когда пред тобою и мной

Смерть погасит все светочи жизни земной,

Пламень вечной души, как с Востока звезда,

Поведе нас туда, где немеркнущий свет,

И пред богом ты будешь тогда,

Перед богом любви — мой ответ.

1890

EX ORIENTE LUX[6]

«С Востока свет, с Востока силы!»

И, к вседержительству готов,

Ирана царь под фермопилы

Нагнал стада своих рабов.

Но не напрасно Прометей

Небесный дар Элладе дан.

Толпы рабов бегут, бледнея,

Пред горстью доблестных граждан.

И кто ж до Инда и до Ганга

Стезею славною прошел?
То македонская фаланга,
То Рима царственный орел.
И силой разума и права –
Всечеловеческих начал –
Воздвиглась Запада держава,
И миру Рим единство дал.
Чего ж еще недоставало?
Зачем весь мир опять в крови?
Душа вселенной тосковала
О духе веры и любви!
И слово вещее – не ложно,
И свет с Востока засиял,
И то, что было невозможно,
Он возвестил и обещал.
И, разливался широко,
Исполнен знамений и сил,
Тот свет, исшедший от Востока,
С Востоком Запад примирил.
О Русь! в предвиденье высоком
Ты мыслью гордой занята;
Каким же хочешь быть Востоком:
Востоком Ксеркса иль Христа?

1890

«Зной без сияния, тучи безводные...»
Зной без сияния, тучи безводные,
Шум городской суеты...
В сердце тоскующем думы бесплодные,
Трепет бескрылой мечты.
Жду, когда новая туча надвинется,
Думы прольются в слезах
И над разбитою скорбью поднимется
лик твой, как солнце в лучах.

<1890>

«Пусть тучи темные грозящую толпою...»
Пусть тучи темные грозящую толпою
Лазурь заволокли, –
Я вижу лунный блеск: он их тяжелой мглою
Не отнят у земли.
Пусть тьма житейских зол опять нас разлучила,
И снова счастья нет, –
Сквозь тьму издалека таинственная сила
Мне шлет твой тихий свет.
Края разбитых туч сокрытыми лучами
Уж месяц серебрит.
Еще один лишь миг, и лик его над нами
В лазури заблестит.

7 августа 1891

Кумир Небукаднецара
<Посвящается К. П. П.<обедоносцеву>
Он кликнул клич: «Мои народы!
Вы все рабы, я – господин,
И пусть отсель из рода в роды
Над вами будет бог один.
В равнину дуры[7] вас зову я.
Бросайте всяк богов своих
И поклоняйтесь, торжествуя,
Сему созданью рук моих».
Толпы несметные кишели;
Был слышен мусикийский гром;
Жрецы послушно гимны пели,
Склонясь пред новым алтарем.
И от Египта до Памира
На зов сошлись князья земли,
И рукотворного Кумира
Владыкой жизни нарекли.
Он был велик, тяжел и страшен,
С лица как бык, спиной – дракон,
Над грудой жертвенною брашен
Каильным дымом окружен.
И перед идолом на троне,

Держа в руке священный шар
И в семиярусной короне,
Явился Небукаднецар.
Он говорил: «Мои народы!
Я царь царей, я бог земной.
Везде топтал я стяг свободы, –
Земля умолкла предо мной.
Но видел я, что дерзновенно
Другим молились вы богам,
Забыв, что только царь вселенной
Мог дать богов своим рабам.
Теперь вам бог дается новый!
Его святил мой царский меч,
А для ослушников готовы
Кресты и пламенная печь».
И по равнине диким стоном
Пронесся клич. «Ты бог богов!»,
Сливаясь с мусикийским звоном
И с гласом трепетных жрецов.
В сей день безумья и позора
Я крепко к господу воззвал,
И громче мерзостного хора
Мой голос в небе прозвучал.
И от высот Нахараима
Дохнуло бурною зимой,
Как пламя жертвенника, зрима,
Твердь расступилась надо мной.
И белоснежные метели,
Мешаясь с градом и дождем,
Корою льдистой одели
Равнину Дурскую кругом.
Он пал в падении великом
И опрокинутый лежал,
А от него в смятенье диком
Народ испуганный бежал.
Где жил вчера владыка мира,
Я ныне видел пастухов:
Они творца того кумира
Пасли среди его скотов.
Начало ноября 1891
«В час безмолвного заката...»
В час безмолвного заката
Об ушедших вспомяни ты, –
Не погибло без возврата,
Что с любовью пережито.
Пусть синеющим туманом
Ночь на землю наступает –
Не страшна ночная тьма нам:
Сердце день грядущий знает.
Новой славою господней
Озарится свод небесный,
И дойдет до преисподней
Светлый благовест воскресный.
<1892>
«Пусть осень ранняя смеется надо мною...»
.....
Пусть осень ранняя смеется надо мною,
Пусть серебрят мороз мне темя и виски, –
С весенним трепетом стою перед тобою,
Исполнен радости и молодой тоски.
И с милым образом не хочется расстаться,
Довольно мне борьбы, стремлений и потерь.
Всю жизнь, с которою так тягостно считаться,
Какой-то сказкою считаю я теперь.
январь 1892
«Был труден долгий путь. Хоть восхищала взоры...»
.....
Был труден долгий путь. Хоть восхищала взоры
Порой природы дивной благодать,
Но неприступные кругом сдвигались горы,
И грудь усталая едва могла дышать.

И вдруг посыпались зарей вечерней розы,
Душа почуяла два легкие крыла,
И в новую страну неистощимой грезы
Любовь–волшебница меня перенесла.
Поляна чистая луною серебрится,
Дерева стройные недвижимо стоят,
И нежных эльфов рой мелькает и кружится,
И феи бледные задумчиво скользят.
январь 1892

«Сказочным чем-то повеяло снова...»
Сказочным чем-то повеяло снова...
Ангел иль демон мне в сердце стучится?
Форму принять мое чувство боится...
О, как бессильно холодное слово!
3 января 1892

«Слов нездешних шепот странный...»
Слов нездешних шепот странный,
Аромат японских роз...
Фантастичный и туманный
Отголосок вешних грез.
Между 3 и 15 января 1892

По случаю падения из саней вдвоем
Смеялось солнце над нами,
И ты, мое солнце, смеялась.
Теперь, разделивши паденье,
Любовь разделить нам осталось.
От грязи тебя уберег я,
Простершись меж ней и тобою:
Так, верь мне, от всяческой злобы
Тебя я, мой ангел, покрою.
У двери меня прогнала ты,
Но в сердце моем ты осталась,
И так же всё было легко мне,
И солнце всё так же смеялось!
26 января 1892

Чем люди живы?
Люди живы божьей лаской,
Что на всех незримо льется,
Божьим словом, что безмолвно
Во вселенной раздаётся.
Люди живы той любовью,
Что одно к другому тянет,
Что над смертью торжествует
И в аду не перестанет.
А когда не слишком смело
И себя причислить к людям,—
Жив я мыслю, что с милой
Мы навеки вместе будем.
30 января 1892

«Три дня тебя не видел, ангел милый...»
Три дня тебя не видел, ангел милый,—
Три вечности томленья впереди!
Вселенная мне кажется могилой,
И гаснет жизнь в измученной груди,
А я, безумец, пел, что горе пережито,
Что поздняя любовь несет одни цветы...
Поникло разом всё в душе моей убитой,
И крылья вырваны у радужной мечты.
О милая! Всё гордое сознание,
Все гордые слова твой друг отдать готов
За мимолетный миг хоть одного свиданья,
За звук один возлюбленных шагов.
31 января 1892

«Я был велик. Толпа земная...»
Я был велик. Толпа земная
Кишела где-то там в пыли,
Один я наверху стоял,
Был с богом неба и земли.
И где же горные вершины?
Где лучезарный свет и гром?
Лежу я здесь, на дне долины,

В томленьи скорбном и немом.
О, как любовь всё изменила.
Я жду, во прахе недвижим,
Чтоб чья-то ножка раздавила
Меня с величием моим.
Между 31 января и 3 февраля 1892
«Я смерти не боюсь. Теперь мне жить не надо...»
Я смерти не боюсь. Теперь мне жить не надо,
Не нужен я теперь царице дум моих.
Ей смертная любовь не принесет отрады,
И слов ей не дает мой неуклюжий стих.
Зато мой вечный дух, свободный и могучи
К ее груди невидимо прильнет,
Навеет в сердце ей рой сладостных созван?
И светлой грезой всю душу обовьет.
И ни на миг ее он не оставит,
Любовью вечною ее он озарит,
Стихию темную святым огнем расплавит
И от земных оков без боли разрешит.
3 февраля 1892

Память
Мчи меня, память, крылом нестарееющим
В милую сердцу страну.
Вижу ее на пожарище тлеющем
В сумраке зимнем одну.
Горькой тоскою душа разрывается,
Жизни там две сожжены,
Новое что-то вдали начинается
Вместо погибшей весны.
Далее, память! Крылом тиховеющим
Образ навей мне иной...
Вижу ее на лугу зеленеющем
Светлою летней порой.
Солнце играет над дикою Тосною,
Берег отвесный высок...
Вижу знакомые старые сосны я,
Белый сыпучий песок...
Память, довольно! Вся скорбь пережитая
Вновь овладела душой,
Словно те прежние слезы пролитые
Льются воскресшей волной.
29 февраля 1892

Имману-Эль
Во тьму веков та ночь уж отступила,
Когда, устав от злобы и тревог,
Земля в объятьях неба опочила
И в тишине родился с-нами-бог.
И многое уж невозможно ныне:
Цари на небо больше не глядят,
И пастыри не слушают в пустыне,
Как ангелы про бога говорят.
Но вечное, что в эту ночь открылось,
Несокрушимо временем оно,
И Слово вновь в душе твоей родилось,
Рожденное под яслями давно.
да! С нами бог, – не там, в шатре лазурном,
Не за пределами бесчисленных миров,
Не в злом огне и не в дыханье бурном,
И не в уснувшей памяти веков.
Он здесь, теперь – среди суеты случайной,
В потоке мутном жизненных тревог
Владеешь ты всерадостною тайной:
Бессильно зло; мы вечны; с нами бог!
11 марта 1892

«Ветер с западной страны...»
Ветер с западной страны
Слезы навеваает;
Плачет небо, стонет лес,
Соснами качает.
То из края мертвецов
Вопли к нам несутся.

Сердце слышит и дрожит,
Слезы льются, льются.
Ветер с запада утих,
Небо улыбнулось,
Но из края мертвецов
Сердце не вернулось.
2 июня 1892

«Потому ль, что сердцу надо...»

Потому ль, что сердцу надо
Жить одним, одно любя,
Потому ль, что нет отрады
Не отдавшему себя;
Оттого ли, что судьбою
Наши сблизились пути,
И с тобой, с тобой одною
Мог я счастье найти, –
Оттого ли, потому ли, –
Но в тебе, в тебе одной
Безвозвратно потонули
Сердце, жизнь и разум мой.
Между 9 и 15 июня 1892

«Там, где семьей столпились ивы...»

Там, где семьей столпились ивы
И пробивается ручей,
По дну оврага торопливо,
Запел последний соловей.
Что это? Радость обновления,
Иль безнадежное прости?..
А вдалеке неслось движенье
И гул железного пути.
И небо высилось ночное
С невозмутимостью святой
И над любовью земною,
И над темною суетой...
16 июня 1892

«Нет вопросов давно, и не нужно речей...»

Нет вопросов давно, и не нужно речей,
Я стремлюсь к тебе, словно к морю ручей
Без сомнений дум милый образ ловлю,
Знаю только одно – что безумно люблю.
В алом блеске зари я тебя узнаю,
Вижу в свете Небес я улыбку твою,
А когда без тебя суждено умереть,
Буду яркой звездой над тобою гореть.
17 июня 1892

«Тесно сердце – я вижу – твое для меня...»

Тесно сердце – я вижу – твое для меня,
А разбить его было б мне жалко.
Хоть бы искру, хоть искру живого огня,
Ты холодная, злая русалка!
А покинуть тебя и забыть мне невмочь:
Мир тогда потеряет все краски
И замолкнут навек в эту черную ночь
Все безумные песни и сказки.
17 июня 1892

«Зачем слова? В безбрежности лазурной...»

Зачем слова? В безбрежности лазурной
Эфирных волн созвучные струи
Несут к тебе желаний пламень бурный
И тайный вздох немеющей любви.
И, трепеща у милого порога,
Забывших грез к тебе стремится рой.
Недалека воздушная дорога,
Один лишь миг – и я перед тобой.
И в этот миг незримого свиданья
Нездешний свет вновь озарит тебя,
И тяжкий сон житейского сознанья
Ты отряхнешь, тоскуя и любя.
Начало сентября 1892

«Мы сошлись с тобой недаром...»

Мы сошлись с тобой недаром,

И недаром, как пожаром,
Дышит страсть моя:
Эти пламенные муки –
Только верные поруки
Силы бытия.
В бездну мрака огневую
Льет струю свою живую
Вечная любовь.
Из пылающей темницы
Для тебя перо Жар-птицы
Я добуду вновь.
Свет из тьмы. Над черной глыбой
Вознестися не могли бы
Лики роз твоих,
Если б в сумрачное лоно
Не впивался погруженный
Темный корень их.

15 сентября 1892

«Я добился свободы желанной...»
Я добился свободы желанной,
Что манила вдали, словно клад, –
Отчего же с тоскою нежданной,
Отчего я свободе не рад?
Ноет сердце, и падают руки,
Всё так тускло и глухо вокруг
С рокового мгновенья разлуки,
Мой жестокий, мой сладостный друг.

3 декабря 1892

Скромное пророчество
Повернуло к лету божье око,
На земле ж всё злей и злей морозы...
Вы со мною холодны жестоко,
Но я чую, чую запах розы.
Я в пророки возведен врагами,
На смех это дали мне прозвание,
Но пророк правдивый я пред вами,
И свершился скоро предсказанье.
Я пророчу, – слушайте, дриада!
Снег растает, и минует холод,
И земля воскреснет, солнцу рада,
И проснется лес, как прежде молод.
Я пророчу, – это между нами, –
Что гулять вы будете по саду
И впивать и носом, и глазами
Майской ночи светлую отраду.

10 декабря 1892

«Милый друг, иль ты не видишь...»
Милый друг, иль ты не видишь,
Что всё видимое нами –
Только отблеск, только тени
От незримого очами?
Милый друг, иль ты не слышишь,
Что житейский шум трескучий –
Только отклик искаженный
Торжествующих созвучий?
Милый друг, иль ты не чуешь,
Что одно на целом свете –
Только то, что сердце к сердцу
Говорит в немом привете?

1892

«Вижу очи твои изумрудные...»
Вижу очи твои изумрудные,
Светлый облик встает предо мной.
В эти сны наяву, непробудные,
Унесло меня новой волной.
Ты поникла, земной паутиною
Вся опутана, бедный мой друг,
Но не бойся: тебя не покину я, –
Он сомкнулся, магический круг.
В эти сны наяву, непробудные,
Унесет нас волною одной.

Вижу очи твои изумрудные,
Светлый облик стоит предо мной.
1892

«День прошел с суетой беспощадно...»

День прошел с суетой беспощадно
Вкруг меня благодатная тишь,
А в душе ты одна, ненаглядная,
Ты одна нераздельно царишь.
Все порывы и чувства мятежные,
Злую жизнь, что кипела в крови,
Поглотило стремленье безбрежное
Роковой беззаветной любви.
Днем луна, словно облачко бледное,
Чуть мелькнет белизною своей,
А в ночи – перед ней, всепобедною,
Гаснут искры небесных огней.

1892

«О, что значат все слова и речи, ...»

О, что значат все слова и речи,
Этих чувств отлив или прибой
Перед тайною нездешней нашей встречи,
Перед вечною, недвижною судьбой?
В этом мире лжи – о, как ты лжива!
Средь обманов ты живой обман.
Но ведь он со мной, он мой, тот миг
счастливый,
Что рассеет весь земной туман.
Пусть и ты не веришь этой встрече,
Всё равно, – не спорю я с тобой.
О, что значат все слова и речи
Перед вечною, недвижною судьбой?

1892

«Милый друг, не верю я нисколько...»

Милый друг, не верю я нисколько
Ни слогам твоим, ни чувствам, ни глазам,
И себе не верю, верю только
В высоте сияющим звездам.
Эти звезды мне стезею млечной
Насылают верные мечты
И растят в пустыне бесконечной
Для меня нездешние цветы.
И меж тех цветов, в том вечном лете,
Серебром лазурным облита,
Как прекрасна ты, и в звездном свете
Как любовь свободна и чиста!

1892

На палубе «Торнео»
Посмотри: побледнел серп луны,
Побледнела звезда Афродиты,
Новый отблеск на гребне волны...
Солнца вместе со мной подожди ты!
Посмотри, как потоками кровь
Заливает всю темнею силу.
Старый бой разгорается вновь...
Солнце, солнце опять победило!
28 июля 1893

По дороге в Упсалу
Где ни взглянешь, – всюду камни,
Только камни да сосна...
Отчего же так близка мне
Эта бедная страна?
Здесь с природой в вечном споре
Человека дух растет
И с бушующего моря
Небесам свой вызов шлет.
И средь смутных очертаний
Этих каменных высот
В блеске северных сияний
К царству духов виден вход.
Знать, недаром из Кашмира
И с полуденных морей

В этот край с начала мира

Шли толпы богатырей.

2 августа 1893

На палубе «Фритиофа»

Только имя одно я успел прошептать

За звездой, что скатилась в море,

Пожелать не успел, да и поздно желать:

Всё минуло – и счастье и горе.

Берег скрылся давно, занят весь кругозор

Одинокой пучиной морскою.

В одинокой душе тот же вольный простор,

Что вокруг предо мной и за мною.

6 августа 1893

Лунная ночь в Шотландии

Памяти гр<афа> Ф.Л. Соллогуба

По долине меж гор

Лунный луч пробрался мне в окно.

Выходи, выходи на простор!

Что за сон, не заснуть всё равно.

Ярче светлого сна, наяву

Вся долина в сиянье лежит.

Никого, никого я с собой не зову,

Пусть один водопад говорит.

Выше, выше, туда, где стоит

Одинокая ель над скалой,

Где ручей меж камней невидимкой бежит,

Там, где гномы живут под землей.

Шире, шире растёт кругозор,

Всё ясней и ясней при луне

Очертания серые гор,

Отраженных в Ломондской волне.

Отчего ж этой ночи краса,

Словно призрак безмолвный, грустна?

Свет холодный струят небеса,

И земля, как луна, холодна.

Точно светлый простерт балдахин

Над гробами минувших веков,

Точно в лунную ночь на земле я один

Средь незримой толпы мертвецов.

Проникает до самой души

Лунный холод, что льется вокруг...

Что же это в недвижной тиши

Всколыхнулось и грянуло вдруг?

Голоса из невидимых стран,

Диких звуков неслыханный ряд,

Воет рог, и гремит барабан,

И неистово флейты визжат.

Одинокая ель ожила

И навстречу ветвями шумит,

Ожила и немая скала,

В тайном трепете мшистый гранит.

.....
Песнь горцев

Слава вождю, что ведет нас к победам!

Он носит на знамени вечнозеленую ель.

Всюду за ней мы, и страх нам неведом,

Клан Альпин – гроза для окрестных земель.

.....
Что нам цветы в их изменчивой славе?

Чем ярче весна, тем их гибель грустней.

Зимней порой ни листочка в Троссахской дубраве:

Тут-то гордимся мы елью зеленой своей.

Корни глубоко в расселины скал запустила,

Зимние бури над ней истошат свои силы,

Чем они крепче, тем крепче срастется с родною горой.

Пусть же Монтэйт с Брэдалбанской землей

Снова и снова гремят ей хвалою:

Родериг Вих-Альпин-дху, го! изрой! [8]

Гордо наш пиброх звучал в Глэн-Фруине,

И Баннохар стоном ему отвечал;

Глэн-Люсс и Росс-дху дымятся в долине,

Пустыней весь берег Лох-Ломонда стал.
Вдовам и девам саксонским вовек
Памятен будет наш ярый набег,
Страхом и горем они поминать тебя будут, альпийский герой!
В трепете Леннокс и Левенглэн,
Только слышат вблизи своих стен:
Родериг Вих-Альпин-дху, го! изрой!
Дикие клики звучали победно...
Миг лишь – и снова безмолвье царит.
Призраки звуков замолкли бесследно,
Только ручей под камнями шумит.
Старая ель и холодные скалы,
В мертвом просторе сияет луна.
Песня былого навек отзвучала,
Дикая жизнь – не воскреснет она!
Август 1893

Прощанье с морем
Снова и снова иду я с тоскою влюбленной
Жадно впиваться в твою бесконечность очами,
Нужно расстаться и с этой подругою светло-зеленой.
Вместе, о море, мы ропщем, но влаги соленой
Я не умножу слезами.
В путь одинокий и зимний с собой заберу я
Это движенье живое, и голос, и краски;
В ночи бессонные, дальней красою чаруя,
Ты мне напомнишь свои незабвенные ласки.
1 ноября 1893

С Новым годом
(1 января 1894)
Новый год встречают новые могилы,
Тесен для былого новой жизни круг,
Радостное слово прозвучит уныло, –
Всё же: с новым годом, старый, бедный друг!
Власть ли роковая, или немощь наша
В злую страсть одела светлую любовь, –
Будем благодарны, миновала чаша,
Страсть перегорела, мы свободны вновь.
Лишь бы только время, сокрушив неволю,
Не взяло и силы любящих сердец,
Лишь бы только призрак несвершенной доли
Не гляделся в душу, как живой мертвец.
Конец ноября 1893

«Если желанья бегут, словно тени...»
Если желанья бегут, словно тени,
Если обеты – пустые слова, –
Стоит ли жить в этой тьме заблуждений,
Стоит ли жить, если правда мертва?
Вечность нужна ли для праздных стремлений,
Вечность нужна ль для обманчивых слов?
Что жить достойно, живет без сомнений,
Высшая сила не знает оков.
Высшую силу в себе созная,
Что ж тосковать о ребяческих снах?
Жизнь только подвиг, – и правда живая
Светит бессмертьем в истлевших гробах.
<1893>

В окрестностях Або
Не позабуду я тебя,
Краса полуночного края,
Где, небо бледное любя,
Волна бледнеет голубая;
Где ночь безмерная зимы
Таит магические чары,
Чтоб вдруг поднять средь белой тьмы
Сияний вещей пламень ярый.
Там я скитался, молчалив,
Там богу правды я молился,
Чтобы насилия прилив
О камни финские разбился.
Начало января 1894
«Сходня... Старая дорога...»

Сходня... Старая дорога...

А в душе как будто ново.
Фон осенний. Как немного
Остается от былого!

21 августа 1894

Монрепо

Серое небо и серое море
Сквозь золотых и пурпурных листьев,
Словно тяжелое старое горе
Смолкло в последнем прощальном уборе
Светлых, прозрачных и радужных снов.

26 сентября 1894

Колдун-камень

Посвящается Л.М. Лопатину

Эти мшистые громады

Сердце тянут как магнит.

Что от смертного вам надо,

Что за тайна здесь лежит?

Молвит древнее сказанье,

Что седые колдуны

Правым роком в наказанье

За ужасные деянья

В камни те превращены.

Спят в немом оцепененье,

Лишь один, однажды в век,

В свой черед из усыпленья

Встанет камень-человек.

Борода торчит седая,

Как у волка, взор горит,

И, дыханье забирая,

Грудь могучая дрожит.

Заклинанье раздается,

Мгла кругом потрясена,

И со стоном в берег бьется

Моря финского волна.

Воет буря, гул и грохот,

Море встало, как стена,

И далече слышен хохот

И проклятья колдуна.

Сила адского дыханья

Всю пучину подняла,

Гибнут грешные созданья,

Гибнут грешные дела.

И, свершив предназначенье,

Вещий камень снова спит,

Но над ним – залог прощенья –

Тихо звездочка горит.

Эти мшистые громады

Сердце тянут как магнит.

Что от смертного вам надо,

Что за тайна здесь лежит?

27 сентября 1894

Панмонголизм

Панмонголизм! Хоть слово дико,

Но мне ласкает слух оно,

Как бы предвестием великой

Судьбины божией полно.

Когда в растленной Византии

Остыл божественный алтарь

И отреклись от Мессии

Иерей и князь, народ и царь, –

Тогда он поднял от Востока

Народ безвестный и чужой,

И под орудьем тяжким рока

Во прах склонился Рим второй.

Судьбою павшей Византии

Мы научиться не хотим,

И всё твердят льстецы России:

Ты – третий Рим, ты – третий Рим.

Пусть так! Орудий божьей кары

Запас еще не истощен.

Готовит новые удары
Рой пробудившихся племен.
От вод малайских до Алтая
Вожди с восточных островов
У стен поникшего Китая
Собрали тьмы своих полков.
Как саранча, неисчислимы
И ненасытны, как она,
Нездешней силою хранимы,
Идут на север племена.
О Русь! забудь былую славу:
Орел двуглавый сокрушен,
И желтым детям на забаву
Даны клочки твоих знамен.
Смирится в трепете и страхе,
Кто мог завет любви забыть...
И третий Рим лежит во прахе
А уж четвертому не быть.
1 октября 1894

Сайма
Озеро плещет волной беспокойною,
Словно как в море растущий прибой,
Рвется к чему-то стихия нестройная,
Спорит о чем-то с враждебной судьбой.
Знать, не по сердцу оковы гранитные!
Только в безмерном отраден покой.
Снятся былые века первобытные,
Хочется снова царить над землей.
Бейся, волнуйся, невольница дикая!
Вечный позор добровольным рабам.
Сбудется сон твой, стихия великая,
Будет простор всем свободным волнам.
3 октября 1894

«Что этой ночью с тобой совершилось...»
Что этой ночью с тобой совершилось?
Ангел надежд говорил ли с тобой?
Или вчерашней грозой истомилось
И отдыхаешь пред новой борьбой?
Тихо лепечут струи озаренные,
Тихо сияет небес благодать,
Только вдали дерева обнаженные
Вдруг прошумят и замолкнут опять.
4 октября 1894

«Этот матово-светлый жемчужный простор...»
Посв<ящается> Н.Е. Ауэр
Этот матово-светлый жемчужный простор
В небесах и в зеркальной равнине,
А вдали этот черный застывший узор, –
Там, где лес отразился в пучине.
Если воздух прозрачный доносит порой
Детский крик или бубенчики стада –
Здесь и самые звуки звучат тишиной,
Не смещая безмолвной отрады.
Так остаться бы век – и свет то, и тепло
Здесь на чистом нетающем снеге.
Злая память и скорбь – всё куда-то ушло,
Всё расплылось в чарующей неге.
11 октября 1894

«Тебя полюбил я, красавица нежная...»
Тебя полюбил я, красавица нежная,
И в светло-прозрачный, и в сумрачный день.
Мне любви и ясные взоры безбрежные,
И думы печальной суровая тень.
Ужели обман – эта ласка нежданная!
Ужели скитальцу изменишь и ты?
Но сердце твердит: это пристань желанная
У ног безмятежной святой красоты.
Люби же меня ты, красавица нежная,
И в светло-прозрачный, и в сумрачный день.
И пусть эти ясные взоры безбрежные
Всё горе былое развеют как тень.

11 октября 1894

Ночь на Рождество

Посвящается В.Л. Величко

Пусть всё поругано веками преступлений,
Пусть незапятнанным ничто не сбереглось,
Но совести укор сильнее всех сомнений,
И не погаснет то, что раз в душе зажглось.
Великое не тщетно совершилось;
Недаром средь людей явился бог;
К земле недаром небо приклонилось,
И распахнулся вечности чертог.
В незримой глубине сознания мирового
Источник истины живет не заглушен,
И над руинами позора векового
Глагол ее звучит, как похоронный звон.
Родился в мире свет, и свет отвергнут тьмою,
Но светит он во тьме, где грань добра и зла.
Не властью внешнею, а правдою самою
Князь века осужден и все его дела.

24 декабря 1894

На Сайме зимой

Вся ты закуталась шубой пушистой,
В сне безмятежном, затихнув, лежишь.
Веет не смертью здесь воздух лучистый,
Эта прозрачная, белая тишь.
В невозмутимом покое глубококом,
Нет, не напрасно тебя я искал.
Образ твой тот же пред внутренним оком,
Фея – владычица сосен и скал!
Ты непорочна, как снег за горами,
Ты многодумна, как зимняя ночь,
Вся ты в лучах, как полярное пламя,
Темного хаоса светлая дочь!

декабрь 1894

«Шум далекий водопада...»

Шум далекий водопада

Раздается через лес,

Веет тихая отрада

Из-за сумрачных небес.

Только белый свод воздушный,

Только белый сон земли .

Сердце смолкнуло послушно,

Все тревоги отошли

Неподвижная отрада,

Все слилось как бы во сне .

Шум далекий водопада

Раздается в тишине.

Конец декабря 1894

Отшедшим

Едва покинул я житейском волненье,
Отшедшие друзья уж собрались толпой,
И прошлых смутных лет далекие виденья
Яснее и ясней выходят предо мной.
Весь свет земного дня вдруг гаснет и бледнеет,
Печалью сладкою душа упоена,
Еще незримая – уже звучит и веет
Дыханьем вечности грядущая весна.
Я знаю это вы к земле свой взор склонили,
Вы подняли меня над тяжелой суетой
И память вечного свиданья оживили,
Едва не смытую житейскою волной.
Еще не вижу вас, но в час предназначенья,
Когда злой жизни дань всю до конца отдам,
Вы въявь откроете обитель примиренья
И путь укажете к немеркнущим звездам.

Середина января 1895

Иматра

Шум и тревога в глубоком покое,
Мутные волны средь белых снегов,
Льдины прибрежной пятно голубое,
Неба жемчужного тихий покров.

Жизнь мировая в стремлении смутном
Так же несется бурливой струей,
В шуме немолчном, хотя лишь минутном,
Тот же царит неизменный покой
Страсти волну с ее пеной кипучей
Тщетным желаньем, дитя, не лови:
Вверх погляди на недвижно могучий,
С небом сходящийся берег любви.
январь 1895

«Опять надвинулись томительные тени...»
Памяти А. Ф. Аксаковой

Опять надвинулись томительные тени
Забывших сердцем лиц и пережитых грез,
Перед неведомым склоняются колени,
И к невозвратному бегут потоки слез.
Не об утраченных, о нет они вернуться,—
Того мгновенья жаль, что сгибло навсегда,
Его не воскресить, и медленно плетутся
За мигом вечности тяжелые года.
Иль эта мысль обман, и в прошлом только тени
забывших сердцем лиц и пережитых грез?
Перед неведомым склоняются колени,
И к невозвратному бегут потоки слез.
январь 1895

Сон наяву

Лазурное око
Сквозь мрачно-нависшие тучи...
Ступая глубоко
По снежной пустыне сыпучей,
К загадочной цели
Иду одиноко.
За мной только ели,
Кругом лишь далёко
Раскинулась озера ширь в своем белом уборе,
И вслух тишина говорит мне: неожиданное сбудется вскоре.
Лазурное око
Опять потонуло в тумане,
В тоске одинокой
Бледнеет надежда свиданий.
Печальные ели
Темнеют вдаль без движенья,
Пустыня без цели,
И путь без стремленья,
И голос всё тот же звучит в тишине без укора:
Конец уже близок, неожиданное сбудется скоро.
январь 1895

Воскресшему

Лучей блестящих полк за полком[9]

Нам шлет весенний юный день,
Но укрепляет тихомолком
Твердыню льда ночная тень.
Земля чернеет меж снегами,
Но этот траур веселит,
Когда победными лучами
Весны грядущей он залит.
Души созревшего расцвета
Не сдержит снег седых кудрей,
Лишь эту смесь зимы и лета
Осветит взор твоих очей.

16 апреля 1895

«Лишь только тень живых, мелькнувши, исчезает...»

Посв<щается> Н.Е. Ауэр

Лишь только тень живых, мелькнувши, исчезает,
Тень мертвых уж близка,
И радость горькая им снова отвечает
И сладкая тоска.
Что ж он пророчит мне, настойчивый и властный
Призыв родных теней?
Расцвет ли новых сил, торжественный и ясный,
Конец ли смертных дней?
Но что б ни значил он, привет ваш замогильный,

С ним сердце бьется в лад,
Оно за вами, к вам, и по дороге пыльной
Мне не идти назад.
23 апреля 1895

«Наконец она стряхнула...»
Посв<ящается> кн<язю> А.Д. Оболенскому
Наконец она стряхнула
Обветшалый свой убор,
Улыбнулась и вздохнула
И открыла ясный взор.
Неба пламенные розы
Отражаются в волне,
И разносит дух березы
Лес в прозрачном полусне.
Отчего же день расцвета
Для меня печали день?
Отчего на праздник света
Я несу ночную тень?
С пробудившейся землю
Разлучен, в немой стране
Кто-то с тяжкою тоскою
Шепчет: «Вспомни обо мне!»

28 апреля 1895
«Эти грозные силы, что в полдень гремели...»
Эти грозные силы, что в полдень гремели,
Разошлись, истощились давно
Вот и робкие звезды вверху заблестели
И глядятся тихонько в окно
Но немые зарницы земле утомленной
Всё твердят о грозе прожитой,
И не верит она этой ночью бессонной,
Что настанет желанный покой.
1895

Июньская ночь на Сайме
В эту ночь золотисто-пурпурную,
Видно, нам не остаться вдвоем,
И сквозь розы небес что-то сдержанно-бурно
Уловил я во взоре твоём.
Вот и полночь прошла незаметная...
Всё светлей и светлей над тобой,
Но померкла святыня заветная,
Что царит над моею судьбой.
Не пленяюсь я солнечной силою,
А вглядеться в тебя – холодно!
Но с душою моею унылою
Тайно шепчется слово одно.
Знаю, в утро осеннее, бледное,
Знаю, в зимний закат ледяной
Прозвучит это слово победное,
И его повторишь ты за мной!
17 июня 1896

Гроза утром
Разогнали раскаты громовые
Смутных снов налетевшую стаю.
Перед бездной огнисто-лиловою
Разорвалась завеса до краю
Шумно льются потоки назревшие,
Гром гремит, словно чем-то утешен...
Вижу очи твои потемневшие,
Хоть дождем от тебя занавешен.
Вдруг затихло... Там кто-то прощается,
И просвета лазури открыты...
Но двоится твой взор: улыбается
И темнеет грозой незабытой.

18 июня 1896
На поезде утром
Посвящается В.П. Гайдебурову
Воздух и окошко, добытые с боя...
Желтая береза между темной ели,
А за ними небо светло-голубое
И хлебов грядущих мягкие постели.

С призраком дыханья паровоз докучный
Мчится и грохочет мертвыми громами,
А душа природы с ласкою беззвучной
В неподвижном блеске замерла над нами.
Тяжкому разрыву нет конца ужели?
Или есть победа над враждою мнимой,
И сойдутся явно в благодатной цели
Двигатель бездушный с жизнью недвижимой?

Сентябрь 1896

Другу молодости
Князю Д. Н. Цертелеву
Враг я этих умных,
Громких разговоров
И бесплодно-шумных
Бесконечных споров...

.....
Помнишь ли, бывало, –
Ночи те далёко, –
Тишиной встречала
Нас заря с востока.
Из намеков кратких,
Жизни глубь вскрывая,
Поднималась молча
Тайна роковая.
То, чего в то время
Мы не досказали,
Записала вечность
В темные скрижали.
Конец декабря 1896
«Нет, силой не поднять тяжелого покрыва...»
Нет, силой не поднять тяжелого покрыва
Седых небес...
Всё та же вдаль тропинка вьется снова,
Всё тот же лес.
И в глубине вопрос–вопрос единый
Наставил бог.
О, если б ты хоть песней лебединой
Ответить мог!
Весь мир стош застывшею мечтою,
Как в первый день.
Душа одна, и видит пред собою
Свою же тень.

<1897>

Памяти А. А. Фета
Он был старик давно больной и хилый;
Дивились все – как долго мог он жить...
Но почему же с этою могилой
Меня не может время помирить?
Не скрыл он в землю дар безумных песен;
Он всё сказал, что дух ему велел, –
Что ж для меня не стал он бестелесен
И взор его в душе не побледнел?...
Здесь тайна есть... Мне слышатся призывы
И скорбный стон с дрожащею мольбой...
Непримиренное вздыхает сиротливо,
И одинокое горюет над собой.

16 января 1897

Око Вечности
«Да не будут тебе бози инии, разве Мене».
Одна, одна над белою землею
Горит звезда
И тянет вдаль эфирною стезею
К себе – туда.
О нет, зачем? в одном недвижимом взоре
Все чудеса,
И жизни всей таинственное море,
И небеса.
И этот взор так близок и так ясен, –
Глядись в него,
Ты станешь сам – безбрежен и прекрасен –
Царем всего.

январь 1897

На смерть А.Н. Майкова

Тихо удаляются старческие тени,
Душу заключавшие в звонкие кристаллы,
Званы еще многие в царство песнопений,—
Избранных, как прежние,— уж почти не стало.
Вещие свидетели жизни пережитой,
Вы увековечили всё, что в ней сияло,
Под цветами вашими плод земли сокрытый
Рос, и семя новое тайно созревало.
Мир же вам с любовью, старческие тени!
Пусть блещут по-прежнему чистые кристаллы,
Чтобы звоном сладостным в царстве песнопений
Вызывать к грядущему то, что миновало.

9 марта 1897

А.А. Фету

(Посвящение книги о русских поэтах) [10]
Все нити порваны, все отклики — молчанье.
Но скрытой радости в душе остался ключ,
И не погаснет в ней до вечного свиданья
Один таинственный и неизменный луч.
И я хочу, средь царства заблуждений,
Войти с лучом в горнило вещей снов,
Чтоб отблеском бессмертных озарений
Вновь увенчать умолкнувших певцов.
Отшедший друг! Твое благословенье
На этот путь заранее со мной.
Неуловимого я слышу приближенье,
И в сердце бьет невидимый прибор.

июль 1897

Старому другу

А. П. Саломону

Двадцатый год — веселье и тревоги
Делить вдвоем велел нам вышний рок.
Ужель теперь для остальной дороги
Житейский нас разъединит поток?
Заключены в темнице мира тленной
И дань платя царящей суете,
Свободны мы в божнице сокровенной
Не изменять возвышенной мечте.
Пусть гибнет всё, что правды не выносит,
Но сохраним же вечности залог,—
Того, что дух бессмертный тайно просит,
Что явно обещал бессмертный бог.

июль 1897

«Я озарен осеннею улыбкой...»

Я озарен осеннею улыбкой —
Она милей, чем яркий смех небес.
Из-за толпы бесформенной и зыбкой
Мелькает луч,— и вдруг опять исчез.
Плачь, осень, плачь,— твои отрадны слезы!
Дрожащий лес, рыданья к небу шли!
Реви, о буря, все свои угрозы,
Чтоб истощить их на груди земли!
Владычица земли, небес и моря!
Ты мне слышна сквозь этот мрачный стоп,
И вот твой взор, с враждебной мглюю споря,
Вдруг озарил прозревший небосклон.

26 августа 1897

Родина русской поэзии

По поводу элегии «Сельское кладбище» [11]

Посвящается П.В. Жуковскому

Не там, где заковал недвижную броню
Широкою Неву береговой гранит,
Иль где высокий Кремль над пестрою Москвою,
Свидетель старых бурь, умолкнувший, стоит,
А там, среди берез и сосен неизменных,
Что в сумраке земном на небеса глядят,
Где праотцы села в гробах уединенных [12],
Крестами венчаны, сном утомленных спят,—
Там на закате дня, осеннею порою,

Она, волшебница, явилась на свет,
И принял лес ее опавшею листвою,
И тихо шелестил печальный свой привет.
И песни строгие к укромной колыбели
Неслись из-за моря, с туманных островов,
Но, прилетевши к ней, они так нежно пели
Над вещей тишиной родительских гробов.
На сельском кладбище явилась ты недаром,
О гений сладостный земли моей родной!
Хоть радугой мечты, хоть юной страсти жаром
Пленяла после ты, – но первым лучшим даром
Останется та грусть, что на кладбище старом
Тебе навеял бог осеннею порой.

12 октября 1897

Отзыв на «Песни из уголка»

К. К. Случевскому

Дарит меня двойной отрадой
Твоих стихов вечерний свет:
И мысли ясною прохладой,
И тем, чему названья нет.
Какая осень! Странно что-то:
Хоть без жары и бурных гроз,
Твой день от солнцеповорота
Не убывал, а только рос.
Так пусть он блещет и зимою,
Когда ж блистать не станет вмочь,
Засветит вещью зарею, –
Зарей во всю немую ночь.

январь 1898

Знамение

«Семя жены сотрет главу змия»

«Сотворил Мне величие Сильный, и свято имя Его»

«И явилось на небе великое знамение: жена, облеченная в солнце; под ногами

ее луна, на главе ее венец из двенадцати звезд»

Одно, навек одно! Пускай в уснувшем храме

Во мраке адский блеск и гром средь тишины, –

Пусть пало всё кругом, – одно не дрогнет знамя,

И щит не двинется с разрушенной стены.

Мы в сонном ужасе к святыне прибежали,

И гарью душною был полон весь наш храм,

Обломки серебра разбросаны лежали,

И черный дым прильнул к разодранным коврам.

И только знак один нетленного завета

Меж небом и землей по-прежнему стоял.

А с неба тот же свет и Деву Назарета,

И змия тщетный яд пред нею озарял.

8 марта 1898

В Архипелаге ночью

Нет, не верьте обольщенью, –

Чтоб сцепленьем мертвых сил

Гибло божие творенье,

Чтоб слепой нам рок грозил.

Видел я в морском тумане

Всю игру враждебных чар;

Мне на деле, не в обмане

Гибель нес зловещий пар.

Въявь слагались и вставали

Сонмы адские духов,

И пронзительно звучали

Сочетанья злобных слов.

Мир веществен лишь в обмане,

Гневом дышит темный пар...

Видел я в морском тумане

Злую силу вражьих чар.

8–11 апреля 1898

DAS EWIG-WEIBLICHE [13]

Слово увещательное к морским чертям

Черти морские меня полюбили,

Рыщут за мною они по следам:

В Финском поморье недавно ловили,

В Архипелаг я – они уже там!

Ясно, что черти хотят моей смерти,
Как и по чину прилично чертям.
Бог с вами, черти! Однако, поверьте,
Вам я себя на съеденье не дам.
Лучше вы сами послушайтесь слова,—
Доброе слово для вас я припас:
Божьей скотинкою сделаться снова,
Милые черти, зависит от вас.
Помните ль вы, как у этого моря,
Там, где стоял Амафунт и Пафос,
Первое в жизни нежданное горе
Некогда вам испытать довелось?
Помните ль розы над пеною белой,
Пурпурный отблеск в лазурных волнах?
Помните ль образ прекрасного тела,
Ваше смятенье, и трепет, и страх?
Та красота своей первою силой,
Черти, не долго была вам страшна;
дикую злобу на миг укротила,
Но покорить не умела она.
В ту красоту, о коварные черти,
Путь себе тайный вы скоро нашли,
Адское семя растленья и смерти
В образ прекрасный вы сеять могли.
Знайте же: вечная женственность ныне
В теле нетленном на землю идет.
В свете немеркнущем новой богини
Небо слилося с пучиною вод.
Всё, чем красна Афродита мирская,
Радость домов, и лесов, и морей, —
Всё совместит красота неземная
Чище, сильнее, и живей, и полней.
К ней не ищите напрасно подхода!
Умные черти, зачем же шуметь?
То, чего ждет и томится природа,
Вам не замедлить и не одолеть.
Гордые черти, вы всё же мужчины,—
С женщиной спорить не честь для мужей.
Ну, хоть бы только для этой причины,
Милые черти, сдавайтесь скорей!
8–11 апреля 1898

Мимо Трояды

Что-то здесь осиротело,
Чей-то светоч отсиял,
Чья-то радость отлетела,
Кто-то пел — и замолчал.
Между 11 и 14 апреля 1898

Нильская дельта

Золотые, изумрудные,
Черноземные поля...
Не скупа ты, многотрудная,
Молчаливая земля!
Это лоно плодотворное,—
Сколько дремлющих веков,—
Принимало, всепокорное,
Семена и мертвецов.
Но не всё тобою взятое
Вверх несла ты каждый год:
Смертью древнею замятое
Для себя весны всё ждет.
Не Изиды трехвенечная
Ту весну им приведет,
А нетронутая, вечная
«дева Радужных Ворот». [14]
14 апреля 1898

Песня моря

А. А. Фету

От кого это теплое южное море
Знает горькие песни холодных морей?...
И под небом другим, с неизбежностью споря,
Та же тень всё стоит над мечтою моей.

Иль ей мало созвучных рыданий пучины
Что из тесного сердца ей хочется слез,
Слез чужих, чьей-нибудь бескорыстной кручины
Над могилой безумно отвергнутых грез...
Чем помочь обманувшей, обманутой доле?
Как задачу судьбы за другого решить?
Кто мне скажет? Но сердце томится от боли
И чужого крушенья не может забыть.
Брызги жизни сливались в алмазные грезы,
А теперь лишь блеснет лучезарная сеть, –
Жемчуг песен твоих расплывается в слезы,
Чтобы вместе с пучиной роптать и скорбеть.
Эту песню одну знает южное море,
Как и бурные волны холодных морей –
Про чужое, далекое, мертвое горе,
Что, как тень, неразлучно с душою моей.

Апрель 1898

Ответ на «Плач Ярославны»

К.К. Случевскому

Всё, изменяясь, изменило,
Везде могильные кресты,
Но будят душу с прежней силой
Заветы творческой мечты.
Безумье вечное поэта –
Как свежий ключ среди руин...
Времен не слушаясь запрета,
Он в смерти жизнь хранит один.
Пускай Пергам давно во прахе,
Пусть мирно дремлет тихий Дон:
Всё тот же ропот Андромахи,
И над Путивлем тот же стон.
Свое уж не вернется снова,
Немеют близкие слова, –
Но память дальнего былого
Слезой прозрачною жива.

19 июня 1898

На том же месте [15]

И помни весь путь, которым вел тебя Превечный, бог твой, по пустыне, вот
уже сорок лет...

Он смирял тебя, томил тебя голодом и питал тебя манною...

Одежда твоя не ветшала на тебе, и нога не пухла, вот уже сорок лет...

Ушли двенадцать лет отважных увлечений

И снов мучительных, и тягостных забот,

Осиливших на миг и павших искушений,

Похмелья горького и трезвенных работ.

Хвала превечному! Израиля одежды

В пустыне сорок лет он целыми хранил...

Не тронуты в душе все лучшие надежды,

И не иссякло в ней русло творящих сил!

Владычица-земля! С бывалым умиленьем

И с нежностью любви склоняюсь над тобой.

Лес древний и река звучат мне юным пеньем...

Всё вечное и в них осталось со мной.

Другой был, правда, день, безоблачный и яркий,

С небес лился поток ликующих лучей,

И всюду меж деревьев запущенного парка

Мелькали призраки загадочных очей.

И призраки ушли, но вера неизменна...

А вот и солнце вдруг взглянуло из-за туч.

Владычица-земля! Твоя краса нетленна,

И светлый богатырь бессмертен и могуч.

29 июня 1898

11 июня 1898 г.

Стая туч на небосклоне

Собралась и растет...

На земном иссохшем лоне

Всё живое влаги ждет.

Но упорный и докучный

Ветер гонит облака.

Зной всё тот же неотлучный,

Влага жизни далека.

Так душевные надежды

Гонит прочь житейский шум,

Голос злобы, крик невежды,

Вечный ветер праздных дум.

Май или июнь 1898

Три свидания (Москва – Лондон – Египет. 1862–75–76)

Поэма

Заранее над смертью торжествуя

И цепь времен любовью одолев,

Подруга вечная, тебя не назову я,

Но ты почувешь трепетный напев...

Не веруя обманчивому миру,

Под грубою корою вещества

Я осязал нетленную порфиру

И узнавал сиянье божества...

Не трижды ль ты далась живому взгляду –

Не мысленным движением, о нет! –

В предвестие, иль в помощь, иль в награду

На зов души твой образ был ответ.

1

И в первый раз, – о, как давно то было! –

Тому минуло тридцать шесть годов,

Как детская душа нежданно ощутила

Тоску любви с тревогой смутных снов.

Мне девять лет, она... [16] ей – девять тоже.

«Был майский день в Москве», как молвил Фет.

Признался я. Молчание. О, боже!

Соперник есть. А! он мне даст ответ.

Дуэль, дуэль! Обедня в Вознесенье

Душа кипит в потоке страстных мук

Житейское... отложим... попеченье –

Тянулся, замирал и замер звук.

Алтарь открыт... Но где ж священник, дьякон?

И где толпа молящихся людей?

Страстей поток, – бесследно вдруг иссяк он,

Лазурь кругом, лазурь в душе моей.

Пронизана лазурью золотистой,

В руке держа цветок нездешних стран,

Стояла ты с улыбкою лучистой,

Кивнула мне и скрылась в туман.

И детская любовь чужой мне стала,

Душа моя – к житейскому слепа...

А немка-бонна грустно повторяла:

«Володинька-ах! слишком он глупа!»

2

Прошли года. Доцентом и магистром

Я мчуся за границу в первый раз.

Берлин, Ганновер, Кельн – в движенье быстром

Мелькнули вдруг и скрылись из глаз.

Не света центр, Париж, не край испанский,

Не яркий блеск восточной пестроты, –

Моей мечтою был Музей Британский,

И он не обманул моей мечты.

Забуду ль вас, блаженные полгода?

Не призраки минутной красоты,

Не быт людей, не страсти, не природа –

Всей, всей душой одна владела ты.

Пусть там снуют людские мириады

Под грохот огнедышащих машин,

Пусть зиждутся бездушные громады, –

Святая тишина, я здесь один.

Ну, разумеется, cum grano salis: [17]

Я одинок был, но не мизантроп;

В уединении и люди попадались,

Из коих мне теперь назвать кого б?

Жаль, в свой размер вложить я не сумею

Их имена, не чуждые молвы...

Скажу: два-три британских чудодея

Да два иль три доцента из Москвы.

Всё ж больше я один в читальном зале;

И верьте иль не верьте, – видит бог,

Что тайные мне силы выбирали
Всё, что о ней читать я только мог.
Когда же прихоти греховные внушали
Мне книгу взять «из оперы другой»—
Такие тут истории бывали,
Что я в смущенье уходил домой.
И вот однажды – к осени то было –
Я ей сказал: «О божества расцвет!
Ты здесь, я чую, – что же не явила
Себя глазам моим ты с детских лет?»
И только я помыслил это слово, –
Вдруг золотой лазурью всё полно,
И предо мной она сияет снова –
Одно ее лицо – оно одно.
И то мгновенье долгим счастьем стало,
К земным делам опять душа слепа,
И если речь «серьезный» слух встречала,
Она была невнятна и глупа.

3

Я ей сказал: «Твое лицо явилось,
Но всю тебя хочу я увидеть.
Чем для ребенка ты не поскупилась,
В том – юноше нельзя же отказать!»
«В Египте будь!»— внутри раздался голос.
В Париж!– и к югу пар меня несет.
С рассудком чувство даже не боролось:
Рассудок промолчал, как идиот.
На Льон, Турин, Пьяченцу и Анкону,
На фермо, Бари, Бриндизи – и вот
По синему трепещущему лону
Уж мчит меня британский пароход.
Кредит и кров мне предложил в Каире
Отель «Аббат»,– его уж нет, увы!
Уютный, скромный, лучший в целом мире...
Там были русские, и даже из Москвы.
Всех тешил генерал – десятый номер –
Кавказскую он помнил старину...
Его назвать не грех – давно он помер,
И лихом я его не помяну.
То Ростислав Фаддеев был известный,
В отставке воин и владел пером.
Назвать кокотку иль собор поместный –
Ресурсов тьма была сокрыта в нем.
Мы дважды в день сходились за табльдотом;
Он весело и много говорил,
Не лез в карман за скользким анекдотом
И философствовал по мере сил.
Я ждал меж тем заветного свиданья,
И вот однажды, в тихий час ночной,
Как ветерка прохладное дыханье:
«В пустыне я – иди туда за мной».
Идти пешком (из Лондона в Сахару
Не возят даром молодых людей,–
В моем кармане – хоть кататься шару,
И я живу в кредит уж много дней).
Бог весть куда, без денег, без припасов,
И я в один прекрасный день пошел,–
Как дядя Влас, что написал Некрасов.
(Ну, как-никак, а рифму я нашел).
Смеялась, верно, ты, как среди пустыни
В цилиндре высочайшем и в пальто,
За черта принятый, в здоровом бедуине
Я дрожь испуга вызвал и за то
Чуть не убит,– как шумно, по-арабски
Совет держали шейхи двух родов,
Что делать им со мной, как после рабски
Скрутили руки и без лишних слов
Подальше отвели, преблагородно
Мне руки развязали – и ушли.
Смеюсь с тобой: богам и людям сродно
Смеяться бедам, раз они прошли.

Тем временем немая ночь на землю
Спустилась прямо, без обиняков.
Кругом лишь тишину одну я внемлю
Да вижу мрак средь звездных огоньков.
Прилегли наземь, я глядел и слушал...
Довольно гнусно вдруг завыл шакал;
В своих мечтах меня он, верно, кушал,
А на него и палки я не взял.
Шакал-то что! Вот холодно ужасно...
Должно быть, нуль, – а жарко было днем.
Сверкают звезды беспощадно ясно;
И блеск, и холод – во вражде со сном.
И долго я лежал в дремоте жуткой,
И вот повеяло: «Усни, мой бедный друг!»
И я уснул; когда ж проснулся чутко, –
Дышали розами земля и неба круг.
И в пурпуре небесного блистанья
Очами, полными лазурного огня, [18]
Глядела ты, как первое сиянье
Всемирного и творческого дня.
Что есть, что было, что грядет вовеки –
Всё обнял тут один недвижный взор...
Синеют подо мной моря и реки,
И дальний лес, и выси снежных гор.
Всё видел я, и всё одно лишь было –
Один лишь образ женской красоты...
Безмерное в его размер входило, –
Передо мной, во мне – одна лишь ты.
О лучезарная! тобой я не обманут:
Я всю тебя в пустыне увидал...
В моей душе те розы не завянут,
Куда бы ни умчал житейский вал.
Один лишь миг! Видение сокрылось –
И солнца шар всходил на небосклон
В пустыне тишина. Душа молилась,
И не смолкал в пей благовестный звон.
Дух бодр! Но всё ж не ел я двое суток,
И начинал тускнеть мой высший взгляд.
Увы! как ты ни будь душою чуток,
А голод ведь не тетка, говорят.
На запад солнца путь держал я к Нилу
И вечером пришел домой в Каир.
Улыбки розовой душа следы хранила,
На сапогах – виднелось много дыр.
Со стороны всё было очень глупо
(Я факты рассказал, виденье скрыв).
В молчанье генерал, поевши супа,
Так начал важно, взор в меня вперив:
«Конечно, ум дает права на глупость,
Но лучше сим не злоупотреблять:
Не мастерица ведь людская тупость
Виды безумья точно различать.
А потому, коль вам прослыть обидно
Помешанным иль просто дураком, –
Об этом происшествии постыдном
Не говорите больше ни при ком».
И много он острил, а предо мною
Уже лучился голубой туман
И, побежден таинственной красой,
Вдаль уходил житейский океан.

Еще невольник суетному миру,
Под грубою корою вещества
Так я прозрел нетленную порфиру
И ощутил сиянье божества.
Предчувствием над смертью торжествуя
И цепь времен мечтою одолев,
Подруга вечная, тебя не назову я,
А ты прости нетвердый мой напев!
26–29 сентября 1898

Примечание. Осенний вечер и глухой лес внушили мне воспроизвести в шуточных

стихах самое значительное из того, что до сих пор случилось со мною в жизни
два дня воспоминания и созвучия неудержимо поднимались в моем сознании, и
на третий день была готова эта маленькая автобиография, которая понравилась
некоторым поэтам и некоторым дамам.

На смерть Я. П. Полонского

Света бледно-нежного
Догоревший луч,
Ветра вздох прибрежного,
Край далеких туч...
Подвиг сердца женского,
Тень мужского зла,
Солнца блеск вселенского
И земная мгла...

Что разрывом тягостным
Мучит каждый миг –
Всё ты чувством благодным
В красоте постиг.
Новый путь протянется
Ныне пред тобой,
Сердце всё ж оглянется –
С тихую тоской. [19]

19 октября 1898

«Лишь забудешься днем иль проснешься в полночи...»

Лишь забудешься днем иль проснешься в полночи-

кто-то здесь... Мы вдвоем, –

Прямо в душу глядят лучезарные очи

Темной ночью и днем.

Тает лед, расплываются хмурые тучи,

Расцветают цветы...

И в прозрачной тиши неподвижных созвучий

Отражаешься ты.

Исчезает в душе старый грех первородный:

Сквозь зеркальную гладь

Видишь, нет и травы, змей не виден подводный,

Да и скал не видать.

Только свет да вода. И в прозрачном тумане

Блещут очи одни,

И слились давно, как роса в океане,

Все житейские дни.

21 ноября 1898

Две сестры

Из исландской саги

Посвящается А. А. Луговому

Плещет Обида крылами

Там, на пустынных скалах...

Черная туча над нами,

В сердце – тревога и страх.

Стонет скорбящая дева,

Тих ее стон на земле, –

Голос грозящего гнева

Вторит ей сверху во мгле.

Стон, повторенный громами,

К звездам далеким идет,

Где меж землей и богами

Вечная Кара живет.

Там, где полночных сияний

Яркие блещут столбы, –

Там она, дева желаний,

дева последней судьбы.

Чаша пред ней золотая;

В чашу, как пар от земли,

Крупной росой упадая,

Слезы Обиды легли.

Тихо могучая дева –

Тихо, безмолвно сидит,

В чашу грозящего гнева

Взор неподвижный глядит.

Черная туча над нами,

В сердце – тревога и страх...

Плещет Обида крылами

Там, на пустынных скалах.

3 апреля 1899

У себя

Дождались меня белые ночи
Над простором густых островов.
Снова смотрят знакомые очи,
И мелькает былое без слов.
В царство времени всё я не верю,
Силу сердца еще берегу,
Роковую не скрою потерю,
Но сказать «навсегда» – не могу.
При мерцании долгом заката,
Пред минутной дремотою дня,
Что погиб его свет без возврата,
В эту ночь не уверишь меня.

Июнь 1899

Белые колокольчики

...И я слышу, как сердце цветет.
Сколько их расцвело недавно,
Словно белое море в лесу!
Теплый ветер качал их так плавно
И берег молодую красу.
Отцветает она, отцветает,
Потемнел белоснежный венок,
И как будто весь мир увядает...
Средь гробов я стою одинок.
«Мы живем, твои белые думы,
У заветных тропинок души
Бродишь ты по дороге угрюмой,
Мы недвижно сияем в тиши.
Нас не ветер берег прихотливый,
Мы тебя сберегли бы от вьюг.
К нам скорей, через запад дождливый,
Для тебя мы – безоблачный юг.
Если ж взоры туман закрывает
Иль зловещий послышался гром, –
Наше сердце цветет и вздыхает...
Приходи – и узнаешь, о чем».

15 августа 1899

«Мирный сон снится вам...»

Мирный сон снится вам,
Мы уж не верим снам:
Всюду лишь бранный клик,
Смерть иль победы миг.

<1890-е годы>

«Непроглядная темень кругом...»

Непроглядная темень кругом,
Слышны дальнего грома раскаты,
Нет и просвета в небе ночном,
Звезды скрылись – не жди их возврата.

<1890-е годы>

LES REVENANTS [20]

Тайною тропинкою, скорбною и милою,
Вы к душе пробрались, и – спасибо вам!
Сладко мне приблизиться памятью унылою
К смерти занавешенным, тихим берегам.
Нитью непонятною сердце всё привязано
К образам незначущим, к плачущим теням.
Что-то в слово просится, что-то недосказано,
Что-то совершается, но – ни здесь, ни там.
Бывшие мгновения поступью беззвучною
Подшли и сняли вдруг покрывала с глаз.
Видят что-то вечное, что-то неразлучное
И года минувшие – как единый час.

16 января 1900

Дракон

Зигфриду

Из-за кругов небес незримых
Дракон явил свое чело, –
И мглою бед неотразимых
Грядущий день заволокло.
Ужель не смолкнут ликованья

И миру вечному хвала,
Беспечный смех и восклицанья:
«Жизнь хороша, и нет в ней зла!»
Наследник меченосной рати!
Ты верен знамени креста,
Христов огонь в твоём булате,
И речь грозящая свята.
Полно любовью божье лоно,
Оно зовет нас всех равно...
Но перед пастию дракона
Ты понял: крест и меч – одно.

24 июня 1900

Вновь белые колокольчики
В грозные, знойные
Летние дни –
Белые, стройные
Те же они.
Призраки вешние
Пусть сожжены, –
Здесь вы нездешние,
Верные сны.
Зло пережитое
Тонет в крови, –
Всходит омытое
Солнце любви.
Замыслы смелые
В сердце больном, –
Ангелы белые
Встали кругом.
Стройно-воздушные
Те же они –
В тяжкие, душные,
Грозные дни.

8 июля 1900

Мудрый осенью
Элегия, с персидского
Не говори: зачем цветы увяли?
Зачем так в небе серо и темно?
Зачем глядит, исполненный печали,
Поблекший сад к нам в тусклое окно?
Не говори: зачем в долине грязно?
Зачем так скользко под крутой горой?
Зачем гудит и воет неотвязно
Холодный ветер поздней порой?
Не говори: зачем под лад природы
Твоя подруга злится и ворчит?
Слова бесплодны: мудрый в час невзгоды
Пьет с ромом чай и с важностью молчит.

июнь 1879

Таинственный гость
Поздно ночью раненый
Он вернулся и
Семь кусков баранины
Скушал до зари.
На рассвете тяжкую
Рану он обмыл,
Медленно фуражкой
Голову покрыл,
Выйдя осмотрительно,
Он в кибитку влез
И затем стремительно
Вместе с ней исчез.
<конец 1870-х – начало 1880-х годов>
Читательница и аютины глазки
Она ходила вдоль по саду
Среди пионов и лилей
Уму и сердцу на усладу
Иль напоказ всего скорей.
Она в руках держала книжку
И перевертывала лист,
На шее ж грязную манишку

Имела. Мрачный нигилист,
Сидевший тут же на скамейке
И возмущенный всем, что зрел,
Сказал садовнику: «Полей-ка
Анютин глаз, чтоб он созрел».
<Конец 1870 х – начало 1880-х годов>
Эпиграммы

1

Благонамеренный
И грустный анекдот!
Какие мерины
Пасут теперь народ!

2

Протяженно-сложенное слово
И гнусливо-казенный укор
Заменили тюрьму и оковы,
дыбу, сруб и кровавый топор.
Но с приятным различьем в манере
Сила та же и тот же успех,
И в сугубой свершается мере
Наказанье за двойственный грех.
Январь 1885

Пророк будущего
Угнетаемый насилием
Черни дикой и тупой,
Он питался сухожилием
И яичной скорлупой.
Из кулей рогожных мантию
Он себе соорудил
И всецело в некромантию
Ум и сердце погрузил.
Со стихиями надзвездными
Он в сношение вступал,
Проводил он дни над безднами
И в болотах ночевал.
А когда порой в селение
Он задумчиво входил,
Всех собак в недоумение
Образ дивный приводил.
Но, органами правительства
Быв без вида обретен,
Тотчас он на место жительства
По этапу водворен. [21]

<1886>

Видение

Сочинено в состоянии натурального гипноза
По небу полуночи лодка плывет,
А в лодке младенец кричит и зовет.
Младенец, младенец, куда ты плывешь?
О чем ты тоскуешь? Кого ты зовешь?
Напрасно, напрасно! Никто не придет...
А лодка, качаясь, всё дальше плывет,
И звезды мигают, и месяц большой
С улыбкою странной бежит за ладьей...
А тучи в лохмотьях томятся кругом...
Боюсь я, не кончится это добром!

<1886>

Таинственный пономарь

Баллада

Двенадцать лет граф Адальберт фон Крани
Вестей не шлет;
Быть может, труп его на поле брани
Уже гниет?...
Графиня Юлия тоскует в божьем храме,
Как тень бледна;
Но вдруг взглянула грустными очами –
И смущена.
Кругом весь храм в лучах зари пылает,
Блестит алтарь;
Священник тихо мессу совершает,
С ним пономарь.

Графини взгляд весьма обеспокоен
Пономарем:
Он так хорош, и стан его так строен
Под стихарем...
Обедня кончена, и панихида спета;
Они – вдвоем,
И их уносит графская карета
К графине в дом.
Вошли. Он мрачен, не промолвит слова.
К нему она:
«Скажи, зачем ты так глядишь сурово?
Я смущена...
Я женщина без разума и воли,
А враг силен...
Граф Адальберт уж не вернется боле...»
– «Верррнулся он!
Он беззаконной отомстит супруге!»
Долой стихарь!
Пред нею рыцарь в шлеме и кольчуге, –
Не пономарь.
«Узнай, я граф, – граф Адальберт фон Крани;
Чтоб испытать,
Верна ль ты мне, бежал я с поля брани –
Верст тысяч пять...»
Она: «Ах, милый, как ты изменился
В двенадцать лет!
Зачем, зачем ты раньше не открылся?»
Он ей в ответ:
«Молчи! Служить я обречен без срока
В пономарях...»
Сказал. Исчез. Потрясена глубоко,
Она в слезах...
Прошли года. Граф в храме честно служит
Два раза в день;
Графиня Юлия всё по супруге тужит,
Бледна как тень, –
Но не о том, что сгиб он в поле брани,
А лишь о том,
Что сделался граф Адальберт фон Крани
Пономарем.

<1886>

Осенняя прогулка рыцаря Ральфа
Полубаллада
Рыцарь Ральф, женой своею
Опозоренный, на шею
Навязал себе, бледнея,
Шарф большой,
И из жениной уборной,
Взяв под мышку зонтик черный,
Устремился он проворно
В лес глухой.
Ветер дул, уныло воя;
Зонт раскрыв над головою,
Неизвестною тропкою
Рыцарь шел.
Сучья голые чернели,
Листья желтые летели,
Рыцарь Ральф шел еле-еле,
Рыцарь Ральф в душе и теле
Ощущал озноб.
Ревматические боли
Побеждают силу воли,
И, пройдя версту иль боле,
Рыцарь молвил: «Стоп».
Повернул назад и скоро,
Выйдя из глухого бора,
Очутился у забора
Замка своего.
Обессилен, безоружен,
Весь промочен и простужен,
Рыцарь молча сел за ужин,

С ним жена его.
«Рыцарь Ральф! – она сказала. –
Я Вас нонче не узнала,
Я такого не видала
Шарфа никогда».
«Этот шарф был очень нужен, –
Молвил рыцарь Ральф, сконфужен, –
Без него б я был простужен
Раз и навсегда».

<1886>

Полигам и пчелы

Басня

В одной стране помещик-полигам
Имел пятнадцать жен, которые ужасно
Друг с другом ссорились и поднимали гам.
Все средства он употреблял напрасно,
Чтоб в разум их привести, но наконец прекрасный
Вдруг способ изобрел:
Взяв пчельника Антипа,
Он в сад его привел
И говорит: «Вот липа!
И не одна, – здесь много лип;
Вон розан там – а тут, гляди, Антип! –
Сколь много сладостных жасминов и сиреней,
Сбирать свой мед без всяких затруднений
Здесь пчелы, думаю, могли б...
Итак, Антип, скажу я толком:
Я буду чрезвычайно рад,
Когда внушишь своим ты пчелкам,
Чтобы они в прекрасный этот сад
За взятками с цветов летели».
Антип от старости ходил уж еле-еле,
Но все-таки на пчельник поспешил
(Хоть пчельник сам, на пчельнике он жил),
И пчелам там не без труда внушил
Помещика прекрасную идею;
А тот немедленно лакею
Велел весь мед собрать
И, разложив в пятнадцать чаш, подать
Пятнадцати супругам,
Которые в тот день чуть не дрались друг с другом.
Наш Полигам мечтал, что мед,
Быть может, ссоры их уймет;
Но жены хоть не бросили ругаться,
Однако же от меду отказаться
Из них не захотела ни одна.

Мораль сей басни не совсем ясна,
Но, может быть, читатель, в час досуга
Прочтя ее, постигнет вдруг,
Что для него одна супруга
Приятней множества супруг.

<1886>

<На Т. И. Филиппова>

Ведь был же ты, о Тертый, в Палестине,
И море Мертвое ты зрел, о епитроп,
Но над судьбами древней мерзости [22]
Не размышлял твой многохитрый лоб.
И поддержать содомскую идею
Стремишься ты на берегах Невы...
Беги, безумец, прочь! Беги, беги скорее,
Не обращай преступной головы.
Огнем и жупелом внезапно опаленный,
Уже к теням в шеол содомский князь летит,
Тебя ж, о епитроп, боюсь, что не в солений,
А в пресный столб суд божий превратит.

Октябрь 1886

Своевременное воспоминание
Израиля ведя стезей чудесной,
Господь зараз два дива сотворил:
Отверз уста ослице бессловесной

И говорить пророку запретил.
Далекое грядущее таилось
В сих чудесах первоначальных дней,
И ныне казнь Моаба совершилась,
Увы! над бедной родиной моей.
Гонима, Русь, ты беспощадным роком,
Хотя за грех иной, чем Билеам,
Заграждены уста твоим пророкам
И слово вольное дано твоим ослам.

<1887>

«Каюсь, древняя ослица...»

Каюсь, древняя ослица,
Я тебя обидел дерзко,
Ведь меж нашими ослами
Говорит и князь Мещерский.
Говорит такие речи,
Что, услышав их, от срама
Покраснела бы в Шеоле
Тень ослицы Билеама.

<1887>

«Ах, далеко за снежным Гималаем...»

Ах, далеко за снежным Гималаем[23]

Живет мой друг,

А я один, и лишь собачьим лаем[24]

(Вариант: горячим чаем, холодным)

Свой тешу слух

(Вариант: нежу дух),

Да сквозь века монахов исступленных
Жестокий спор

И житие мошенников священных

Следит мой взор.

Но лишь засну – к Тибетским плоскогорьям,
Душа, лети!

И всем попам, Кириллам и Несторьям,

Скажи: прости!

Увы! Блаженство кратко в сновиденье!

Исчезло вдруг,

И лишь вопрос о предопределенье

Томит мой дух.

Начало января 1887

«Люблю я дам сорокалетних...»

Люблю я дам сорокалетних,

Люблю я старое вино,

Мне зимний сад дороже летних,

И разноцветное окно

Полуразрушенной светлицы

Мне так же много говорит,

Как сердцу трепетной девицы

Большого бала первый вид.

март 1887

«Город глупый, город грязный...»

Город глупый, город грязный!

Смесь Каткова и кутьи,

Царство сплетни неотвязной,

Скуки, сна, галиматьи.

Нет причин мне и немножко

Полюбить тебя, когда

Даже милая мне ножка

Здесь мелькнула без следа.

4 апреля 1887

Знаменитому гражданину

1

Ода

О ты, средь невского содома

Хранящий сердце в чистоте!

Твоею мудростью блюдома,

Русь шествует к своей мете.

И скоро, скоро заблужденье

Она отраву изблюет

И на руинах просвещенья

Благонамеренно заснет.

И если сон сей величавый
И посетят еще мечты,—
О, не страшись: в сиянье славы
Ей будешь сниться только ты.
19 апреля 1887

2

Гимн
Содома князь и гражданин Гоморры
Идет на Русь с «газетой большой».
О боже! суд свой праведный и скорый
Яви, как встарь, над гнусностью такой.
Август 1887
<На А.А. Фета>

1

Поговорим о том, чем наша жизнь согрета:
О дружбе Страхова, о камергерстве Фета.

2

Жил-был поэт,
Нам всем знаком,
Под старость лет
Стал дураком.
Конец февраля 1889
Размышление о неизменности законов природы
Дела пожарного служитель
Горе над прахом вознесен
И, как орел – эфира житель,
Всезрящим оком наделен
Он одинок на сей вершине,
Он выше всех, он бог, он царь...
А там внизу, в зловонной тине,
Как червь, влачится золотарь,—
Для сердца нежного ужасен
Контраст клоаки и депа...
Смирись! Закон природы ясен,
Хоть наша мудрость и слепа.
Заходит солнце, солнце всходит,
Века бегут, а все, как встарь,
На вышке гордый витязь ходит
И яму чистит золотарь.
Середина апреля 1889

Молодой турка
В день десятый могоаремма
У папа в саду
Встретил я цветок гарема
И с тех пор всё жду,
Жду в саду нетерпеливо
Я мою газель...
Но папа блюдет ревниво
Всех своих мамзель.
Знать, недаром евнух старый
Шилом ковырял
И к мешку тяжелых пару
Камней привязал.
Надо мне остерегаться...
Лучше я уйду.
Этак можно и остаться
В папином пруду!
Да! папа – весьма упорный
Старый ретроград,
И блюдет евнух проворный
Папин вертоград.
Середина апреля 1889

Из письма
Во-первых, объявлю вам, друг прелестный,
Что вот теперь уж более ста лет,
Как людям образованным известно,
Что времени с пространством вовсе нет;
Что это только призрак субъективный,
Иль, попросту сказать, один обман.
Сего не знать есть реализм наивный,
Приличный ныне лишь для обезьян.

А если так, то, значит, и разлука,
Как временно-пространственный мираж,
Равна нулю, а с ней тоска и скука,
И прочему всему оценка та ж...
Сказать по правде: от начала века
Среди толпы бессмысленной земной
Нашлось всего два умных человека –
Философ Кант да прадедушка Ной.
Тот доказал методом априорной,
Что, собственно, на всё нам наплевать,
А этот – эмпирически бесспорно:
Напился пьян и завалился спать.
1890

Привет министрам
Горемыкин веселеющий
И Делянов молодеющий,
Бедоносцев хорошеющий,
Муравьев-жених
Собрались снова вместе, и
Порешили эти бестии,
Что вся сила – в них.
Врете, курицыны дети!
Вот уж за речи эти
Быть, мерзавцы, вам в ответе,
Будет вам допрос!
И синклиту безволосому,
Да и ю<льи>чу безносому
Уж натянут нос!
Ждет засуха семилетняя...
Что и зимняя, и летняя...
Хоть солому жрать, да нет ее!
Тут-то вам и мат.
С голодухи люди кроткие
Разевают свои глотки и
Черт им сам не брат.
Тут сюда-туда вы кинетесь,
Либералами прикинетесь,
Вверх ногами опрокинетесь,
Подождете хвост.
Но дела все ваши взвешены,
Да и сами вы повешены, –
Вот конец и прост!
Начало сентября 1891

<На К.П. Победоносцева>
На разных поприщах прославился ты много:
Как евнух ты невинностью сиял,
Как пиетист позорил имя бога
И как юрист старушку обобрал.
<1892>

«Душный город стал несносен...»
Душный город стал несносен.
Взявши саквояж,
Скрылся я под сенью сосен
В сельский пейзаж.
У крестьянина Сыся
Нанял я избу.
Здесь мечтал, вкусив покоя,
Позабыть борьбу.
Ах, потерянного рая
Не вернет судьба.
Ждет меня беда другая,
Новая борьба.
Поднялись на бой открытый
Целые толпы –
Льва Толстого фавориты, [25]
Красные клопы.
Но со мною не напрасно
Неба лучший дар –
Ты, очищенный прекрасно,
Галльский скипидар.
Ты римлянкам для инога

дела мог служить, [26]

Мне ж союзников Толстого
Помоги сразить.
Я надеялся не даром:
В миг решился бой,
Спасовал пред скипидаром
Весь толстовский строй.
О любимец всемогущий
Знатных римских дам,
Я роман Толстого лучший
За тебя отдам.
От романов сны плохие,
Аромат же твой
Прогоняет силы злые
И дарит покой.
Но покой, увы, не долог.
Вижу, новый враг.
Изо всех щелей и щелок
Повалил прусак.
Ах, и мне воинским жаром
Довелось гореть
И французским скипидаром
Прусаков огреть.
Все погибли смертью жалкой
Кончилась борьба.
Терпентином и фиалкой
Пахнет вся изба.
3 июня 1892

Эпитафия

Владимир Соловьев
Лежит на месте этом.
Сперва был философ,
А ныне стал шкелетом.
Иным любезен быв,
Он многим был и враг;
Но, без ума любив,
Сам ввергнулся в овраг.
Он душу потерял,
Не говоря о теле:
Ее диавол взял,
Его ж собаки съели.
Прохожий! Научись из этого примера,
Сколь пагубна любовь и сколь полезна вера.
15 июня 1892

«Не боюсь я холеры...»

Не боюсь я холеры,
Ибо приняты все меры,
Чтоб от этого недуга
Сбереглась сия округа.
Но болезнь любовной [27]
Я страдаю безусловно,
И не вижу «сильной власти»
Против сей зловредной страсти.
Мой микроб – большого роста,
И хоть я не слишком прост, а
Перед ним умом слабею
И лишь млею, млею, млею.
В диагнозе нет сомненья,
Нет в прогнозе утешенья:
Неизбежный и печальный,
Ждет меня исход летальный. [28]
Начало сентября 1892

<Акростихи>

<Цикл второй: Матрена>

1

Мадонной была для меня ты когда-то:
Алмазною радугой лик твой горел,
Таинственно всё в тебе было и свято,
Рыдал я у ног твоих тысячекрат и
Едва удавиться с тоски не успел,
Но скрылся куда-то твой образ крылатый,

А вместо него я Матрену узрел.

2

Майская роза давно уж отпета,
Август... И август исчез.
Только как лысина старого фета,
Роща твоя так печально раздета,
Елью одною красуется лес...
Новой природе сочувственно вторя,
Ах, ты Матрению сделалась с горя.
Начало сентября 1892

<С. М. Мартыновой >

«Соловьева в Фиваиде»

Вам списали в лучшем виде

В черную тетрадь.

Я хотел приехать в Сходню,

Чтобы завтрашнему ко дню

Вам ее послать.

Но меня бранили б строго

Вы за то, да и немного

Дней осталось ждать.

Начало сентября 1892

<князю Д.Н. Цертелеву>

Увы, мой друг! Крепчайшими цепями

Прикован я к московским берегам.

Жду худшего: сидеть мне в темной яме

И там вздыхать по милым Липягам.

Но если бы и я был на свободе –

Могу ли голым ехать в дальний край?

Сие противно северной природе,

да и жандарм в земной не верит рай.

А потому, покорствуя судьбине,

Здесь остаюсь покуда недвижим,

Но октября, надеюсь, в половине

Воспользуюсь призывом я твоим.

Осень 1892

«Вы были для меня, прелестное создание...»

Вы были для меня, прелестное создание,

что для скульптора мрамора кусок,

но сломан мой резец в усиленном старанье,

а глыбы каменной он одолеть не мог!

любить вас tout de me me?[29] Вот странная затея!

Когда же кто любил негодный матерьял?

О светлом божестве, любовью пламенея,

О светлом божестве над вами я мечтал.

Теперь утешу вас! Пигмалионы редки,

но есть каменотес в примете у меня:

из мрамора скамью он сделает в беседке

и будет отдыхать от трудового дня.

Март 1893

«Цвет лица геморроидный...»

Цвет лица геморроидный,

волос падает седой,

и грозит мне рок обидный

преждевременной бедой.

я на всё, судьба, согласен,

только плешью не дари:

голый череп, ах! ужасен,

что ты там ни говори.

знаю, безволосых много

среди святых отцов у нас,

но ведь мне не та дорога:

в деле святости я – пасс.

преимуществом фальшивым

не хочу я щеголять

и к главам мироточивым

грешный череп причислять.

поправка

ах, забыл я, – за святыми

Боборыкина забыл!

позабыл, что гол, как вымя,

череп оный вечно был.

Впрочем, этим фактом тоже
Обнадежен я, – ибо
Если не святой я божий,
То ведь и не Пьер Бобо?
Октябрь 1893
<Н.Я. Гроту>
Скоро, скоро, друг мой милый,
Буду выпущен в тираж
И возьму с собой в могилу
Не блистательный багаж.
Много дряни за душою
Я имел на сей земле
И с беспечностью большою
Был нетверд в добре и зле.
Я в себе подобье божье
Непрерывно оскорблял, –
Лишь с общественною ложью
В блуд корыстный не впадал.
А затем, хотя премного
И беспутно я любил,
Никого зато, ей-богу,
Не родил и не убил.
Вот и все мои заслуги,
Все заслуги до одной.
А теперь прощайте, други!
Со святыми упокой!
Начало ноября 1893
Метемпсихоза
Сочинено во время холерных судорог
Подсолнечник желтый
Цветет в огороде,
А сердце открыто
Любви и природе.
В холерное время, –
Недавно здоровый, –
Лежу без движенья,
Зелено-лиловый.
Подсолнечник желтый
Поблек в огороде.
В тревоге родные,
Печальна прислуга,
Пришли издалёка
Два старые друга:
Один пьет как губка,
Другой – сумасшедший,
Но вспомнили оба
О дружбе прошедшей.
Подсолнечник желтый
Увял в огороде, –
И сердце закрылось
Любви и природе.
И в гроб положили.
Снесли на кладбище!..
Довольны ль вы, черви,
Присвоенной пищей?
Подсолнечник желтый
Погиб в огороде.
Из праха и тлена
Цветок вырастает,
К забытой могиле
Пчела прилетает...
Сидит на балконе
Прелестная дева;
Сияет красою
И справа, и слева.
Подсолнечник желтый
Расцвел в огороде.
На блюдечке меду
Приносят той дева.
И вдруг я очнулся
В прелестнейшем зеве!

Но будь он стократно
Прелестен, а всё же
Мое помещенье
С могилою схоже!
И мрачно, и сыро,
И скользко! О горе!..
Но с крошечкой воска
Я выплюнут вскоре!
Подсолнечник желтый
Цветет в огороде.
О счастье, о радость!
Я вновь на свободе.
Вновь сердце открылось
Любви и природе!
Подсолнечник желтый
Цветет в огороде...
Лето 1894

<М. С. Соловьеву>

Жди, аспид, змий и свиния,
Меня у пруда ночью звездной,
Хотя в трудах по горло я
И d'inachevé[30] зияет бездна.
Но не изменится мой рок
И d'inachevé не станет делом,
Какую б я из всех дорог
Ни выбрал сердцем охладельм.
Любовный пыл совсем остыл,
Лишь в дружбе я ищу опоры,
А потому, о Михаил,
С тобой увидимся мы скоро.
Лето 1894

<Н.Я. Гроту и Л.М. Лопатину>

Редакторы и друзья!
Вас ругать намерен я.
Сказал мне Радлов, вам знакомый,
Что, духом новшества влекомый,
Ты, Грот, решил Сатурна бег
Ускорить, – дерзкий человек!
Но не удастся и вдвоем
Ноябрь вам сделать октябрем.

Я клянуся сей бумагой
И чернильницею сей:
Вам редакторской отвагой
Не смутить души моей.
Вдохновляемый Минервой,
Отошлю статью вам я
Лишь тогда, как ляжет первый
Снег на финские поля.
Съезжу санною дорогой
По озерам, по рекам,
И тогда на суд ваш строгий,
Лишь тогда статью отдам.

«На берегу пустынных» вод
Мне муза финская явилась:
Я только вежлив был – и вот
Злодейка тройней разродилась.
Иных покуда нет грехов,
Ничто страстей не возбуждает,
И тихий рой невинных снов
Прозрачный сумрак навевает.
Живу, с заботой незнаком,
Без утомленья и усилья,
Питаюсь только молоком,
Как Педро Гомец, «Лев Кастильи».

Годится ли, или негодно –
Кто для меня теперь решит?
Хоть Сайма очень многоводна,
Но про свое лишь говорит.

Кругом собаки, овцы, крысы –
Не вижу судей никаких,
Чухонцы, правда, белобрысы,
Но им невнятен русский стих.
Пишу. Глядят в окошки ели,
Морозец серебрит пути...
Стихи, однако, надоели,
Пора и к прозе перейти.
1-3 октября 1894

Признание

Посвящается гг. Страхову, Розанову, Тихомирову и Ко
Я был ревнитель правоверия,
И съела бы меня свинья,
Но на границе лицемерия
Поворотил оглобли я.
Душевный опыт и история,
Коль не закроешь ты очей,
Тебя научат, что теория
Не так важна, как жизнь людей,
Что правоверие с безверием
Вспоило то же молоко
И что с холодным лицемерием
Вещать анафемы легко.
Стал либерал такого сорта я,
Таким широким стал мой взгляд,
Что снять ответственность и с черта я,
Ей-богу, был бы очень рад.
Он скверен, с гнусной образиной,
Неисправим – я знаю сам.
Что ж делать с эдакой скотиной?
Пускай идет ко всем чертям!
Октябрь 1894

Поэт и грачи

Краткая, но грустная история
Осень
По сжатому полю гуляют грачи,
Чего-нибудь ищут себе на харчи.
Гуляю и я, но не ради харчей,
И гордо взираю на скромных грачей...

Зима

Морозная вьюга, в полях нет грачей,
Сижу и пишу я в камерке своей.

Весна

Ласкается небо к цветущей земле,
Грачи прилетели, а я – на столе.

Октябрь 1894

Эфиопы и бревно

В стране, где близ ворот потерянного рая
Лес девственный растет,
Где пестрый леопард, зрачками глаз сверкая,
Своей добычи ждет,
Где водится боа, где крокодил опасен
Среди широких рек,
Где дерево, и зверь, и всякий гад прекрасен,
Но гадов человек, –
Ну, словом, где-то там, меж юга и востока,
Теперь или давно,
На улицу села с небес, по воле рока,
Упало вдруг бревно...
Бревно то самое, что возле Мамадыша
Крестьянин Вахромей
В пути от кабака, не видя и не слыша,
С телеги стряс своей.
Лежит себе бревно. Народ собрался кучей,
Дивится эфиоп,
И в страхе от беды грозящей, неминучей
Трясет уж их озноб!
Бревно меж тем лежит. Вот в трепете великом
Ничком к нему ползут!
Бревно лежит бревном. И вот, в восторге диком,
Уж гимн ему поют!

«Могучий кроткий бог! Возлюбленный, желанный!»

Жрецы уж тут как тут:

Уж льют на край бревна елей благоуханный,
Коровьим калом трут... [31]

И скоро весть прошла о новом чудном боге,
Окрест по всем странам.

Богослуженья чин установился строгий,
Воздвигнут пышный храм.

Из Явы, из Бурмы, Гоа, Джеллалабада

Несут к нему дары.

Бревну такая жизнь, что помирать не надо,
Живет до сей поры!..

Урок из басни сей для всех народов ровный –

Глуп не один дикарь:

В чести большой у нас у всех бывают бревна

Сегодня, как и встарь.

Между 3 и 13 октября 1894

<Н.Я. Гроту>

О Грот сверхвременный, пещера созерцаний!

Увы! не упразднил ты времени полет [32]

Как встарь, оно – предмет скорбей и ожидания,

Без устатки бежит и нас с собой влечет.

26 декабря 1894

<Автопародия>

Нескладных виршей полк за полком

Нам шлет Владимир Соловьев,

И зашибает тихомолком

Он гонорар набором слов.

Вотще! Не проживешь стихами,

Хоть как свинья будь плодовит!

Торгуй, несчастный, сапогами

И не мечтай, что ты пиит.

Нам всё равно – зима иль лето, –

Но ты стыдись седых волос,

Не жди от старости расцвета

И петь не смей, коль безголос!

Между 14 и 23 апреля 1895

<Пародии на русских символистов>

1

Горизонты вертикальные

В шоколадных небесах,

Как мечты полужеркальные

В лавровишневых лесах.

Призрак льдины огнедышащей

В ярком сумраке погас,

И стоит меня не слышащий

Гиацинтовый пегас.

Мандрагоры имманентные

Зашуршали в камышах,

А шершаво-декадентные

Вирши в вянущих ушах.

2

Над зеленым холмом,

Над холмом зеленым,

Нам влюбленным вдвоем,

Нам вдвоем влюбленным

Светит в полдень звезда,

Она в полдень светит,

Хоть никто никогда

Той звезды не заметит.

Но волнистый туман,

Но туман волнистый,

Из лучистых он стран,

Из страны лучистой,

Он скользит между туч,

Над сухой волною,

Неподвижно летуч

И с двойной луною.

3

На небесах горят паникадила,

А снизу – тьма.

Ходила ты к нему иль не ходила?
Скажи сама!
Но не дразни гиену подозренья,
Мышей тоски!
Не то смотри, как леопарды мщенья
Остряют клыки!
И не зови сову благоразумья
Ты в эту ночь!
Ослы терпенья и слоны раздумья
Бежали прочь.
Своей судьбы родила крокодила
Ты здесь сама.
Пусть в небесах горят паникадила, –
В могиле – тьма.

Лето – осень 1895

<Я. П. Полонскому>

С жизнью алмазная свадьба поэта!
Боги – хранители прочных союзов!
Дайте увидеть ему вслед за этой
Свадьбу алмазную с верною музой.
4 декабря 1895
«Вы – стадо баранов! Печально...»
Вы – стадо баранов! Печально...
Но вот что гораздо больней:
На стадо баранов – нахально
Набросилось стадо свиней!
1895

<М.М. Стасюлевичу>

Михал Матвеич, дорогой!
Пишу Вам из казены,
Согбен от недуга дугой
И полон всякой скверны.
Забыты сладкие труды
И Вакха, и Киприды;
Давно уж мне твердят зады
Одни геморроиды.
Брега пустынные Невы
Коснеют в скуке дикой,
Винючен в том не я, не вы,
А разве Петр Великий.
В столице ни души живой,
Как бы в степи безводной.
Исчез Делянов молодой
И Ратьков благородный.
В печати трепет и застой
И новостями бедно,
Брошюру издал Лев Толстой
О том, что пьянство вредно.
Гуревич Люба гонорар
У Зиночки стянула,
Волынского задел комар,
И он упал со стула.
Июль 1896

Михаилу Матвеевичу <Стасюлевичу> в день чуда Арх<ангела> Михаила в Хонех
Недаром в Хонех натворил
Чудес Ваш ономим небесный:
Хоть не архангел Михаил –
Вы также Михаил чудесный.

.....
Низвергнул он уже давно
Дракона гордого и злого, –
И Вам, я верю, суждено
Низвергнуть Ратькова-Рожнова.
.....

A suivre[33]

Конец августа 1896

<Л.М. Лопатину>

Неврон финляндский, страждущий невритом,
Привет свой шлет московскому неврону!
Всё бытие земное – что ни ври там –
Всё в реку брошено (в реку времен) – не в Рону!

.....
И, с каждым годом подбавляя ходу,
Река времен несется всё быстрее,
И, чуя издали и море, и свободу,
Я говорю спокойно, панта рэй!
Но мне грозит Левон неустрашимый –
Субстанций динамических мешок
Свезти к реке и массою незримой
Вдруг запрудить весь Гераклитов ток.
Левон, Левон! Оставь свою затею
И не шути с водою и огнем...
Субстанций нет! Прогнал их Гегель в шею;
Но и без них мы славно заживем!

12 ноября 1896

«Эти финские малютки...»

Эти финские малютки
Бесконечно белокуры!
Хоть попробовать для шутки
Им всерьез устроить куры?
От меня седых бы зайцев
Родили они, наверно.
Мяса я не ем, и был бы
Им папаша я примерный.
Пустяки! На белом свете
Проживу без белых финок,
А кому угодно зайцев –
Их зимою полон рынок.

12 ноября 1896

<Л.М. Лопатину>

Ты взвел немало небылицы
На друга старого, но ах! –
Такие ветхие мы лица
И близок так могилы прах,
Что вновь воинственное пламя
Души моей уж не зажжет,
И полемическое знамя,
Увы! висит и не встает.
Я слишком стар для игр Арея,
Как и для Вакха я ослаб, –
Заснуть бы мне теперь скорее...
Ах! мне заснуть теперь пора б.
«Феноменизма» я не знаю,
Но если он поможет спать,
Его с восторгом призываю:
Грядем, возлюбленный, в кровать!
1896

<Надпись на книге «Оправдание добра»>
Явился я на свет под знаком Водолея.
Читатель, не страшись и смело воду пей:
Она – не из меня, ее нашел в скале я,
Из камня истины выходит сей ручей.
<1896>

«Уносит всё река времен...»

Уносит всё река времен,
Исчезнут все вельможи;
Победоносцев Дон-Жуан,
Аскет Филиппов – тоже...
И моногамный Муравьев,
И молчаливый Витте,
И общительный Хилков, –
Кого ни назовите.
Один несокрушим вовек
Ни смертью, ни фортуной,
Один великий человек:
Делянов – вечно юный.

<1897>

<Л.М. Лопатину>

Левон! ты феномен! Российскому акцизу
Феноменальный ты даешь доход.
Взгляну ли на тебя я сверху или снизу –
Ты феномен... Но феномен и Грот!

Мы все феномены, всем тварям по закону
Субстанциями быть запрещено,—
Куда б ни метил ты: в корову иль в ворону,—
Субстанцию минуешь всё равно.
Итак, Левон, будь тверд, и царскому акцизу
Потщись доход являемый платить
Не прыгай слишком вверх и не спускайся книзу:
Феномену субстанцией не быть!

<1897>

<Эпиграммы>

1

Придет к нам, верно, из Лесбоса
Решенье женского вопроса.

2

Дал вечность Лесбии своей
Катулл, хоть к ней отнесся строго...
Катуллов нет у нас, ей-ей,
Но Лесбий, батюшки, как много!

<1897>

«Некогда некто изрек „Сапоги суть выше Шекспира“...»
Некогда некто изрек «Сапоги суть выше Шекспира».
Дабы по слову сему превзойти британца, сапожным
Лев Толстой мастерством занялся, и славы достигнул.
Льзя ли дальше идти, россияне, в искании славы?
Вящую Репин стяжал, когда: «Сапоги, как такие,
Выше Шекспира,— он рек,— сапоги, оснащенные ваксой,
Выше Толстого». И вот, сосуд с блестящим составом
Взявши, Толстого сапог он начал чистить усердно.

<1897>

По поводу стихов Майкова у гробницы Грозного и стихов Фофанова на могиле Майкова

Когда лукавыми словами
Ты злую силу воспевал,
Не мнил ты, Майков, что меж нами
Уже отмститель восставал!
И он пришел к твоей могиле,
И дикий вой раздался вдруг,
И стало тошно адской силе,
И содрогнулся горний круг.
А там в Архангельском соборе
Прошел какой-то странный гул,
И, несказанным виршам вторя,
Сам Грозный крикнул: «Караул!»

Начало марта 1897

<М.М. Стасюлевичу>

Не болен я и не печален,
Хоть вреден мне климат Москвы:
Он чересчур континентален, —
Здесь нет Галерной и Невы.
Ну, насолил же мне Чичерин,
Самодовольный дворянин,—
Всё переврал, как сивый мерин,
Скопец тамбовских Палестин.
Вчера прикончил я злодея.
Украл он месяц трудовой.
За это бьют! И не жалея —
Трах, трах!— и в яму головой!

5 октября 1897

<М.М. Стасюлевичу>

Не обманул я Вас, а сам обманут.
Кого я жду — за Альпами пропал!
Надежды скоро Вас увидеть — вянут.
И вот опять я письмописцем стал.
Пишу и Вам, пишу и на квартиру.
А то — за упокой хозяин мой
На проскомидии уж подавал просвиру,
Он человек с чувствительной душой.
А между тем себя я сглазил, видно,—
Неделю целую в недуге я морском
Страдал усиленно,— и скучно, и обидно
Стоять весь день над тазом иль горшком.

Упомяну еще и о неврите...

Но мне уж слышится готовый ваш ответ,
Вы не упустите мне возразить: «Не врите!»
Хотя неврит есть факт, вранья тут нет!
Но про болезни слишком уже много!
Помимо них, я полон юных сил.
Дел и проектов столько, что у бога
Сто сорок лет в аванс бы попросил.
Октябрь 1897

«Отказаться от вина...»

Отказаться от вина –
В этом страшная вина;
Смелее пейте, христиане,
Не верьте старой обезьяне.
1898

«Вчера, идя ко сну, я вдруг взглянул в зеркало...»

Вчера, идя ко сну, я вдруг взглянул в зеркало, –
Взглянул и оробел:
И в длинной бороде седых волос немало,
И ус отчасти бел.
Не смерть меня страшит: я, как Кутузов, [34] смело
Обнять ее готов, –
Почто же трепещу пред каждой нитью белой
Презренных сих власов?
«Иль я славянофил? Отнюдь! Но в глас народный...»
Иль я славянофил? Отнюдь! Но в глас народный
Я верю, как они,
А оный глас – увы! – душе моей свободной
Сулит плохие дни.
«Когда в твоей браде, – я слушаю тревожно, –
Блеснуло серебро,
Душевный мир сберечь тебе уж невозможно:
Ты беса жди в ребро!»
Умолкнул вещей глас. – Тоскою беспредметной,
Как встарь, душа полна.

.....
.....
.....
Не бес один, не пять в моем ребре несчастном,
А легион чертей...

Ужель и мне искать в сем кризисе ужасном
Спасительных свиней?
И вот опять звенит, но не в ушах, а сбоку.
Вот и слова слышны:
«Всего-то отдохнуть тебе мы дали сроку
Одну иль две весны.
А ты уж возомнил, что с тульским архиереем [35]
Сравнялся простотой.
В противном убедить мы средства все имеем...
Любезнейший, постой!»

.....
.....
.....
Что дальше слышал я, что увидал в мечтанье,
Во сне что испытал, –
Рассказывать тебе не стану в назиданье:
Ты сущность угадал.

1890-е годы

<М.А. Кавосу>

Дорогой Михал Альбертыч!
Одержим я страшным гриппом;
Хоть ножом в меня теперь тычь,
Не явлюсь я с этим хрипом.
А затем, любезный Кавос,
Ехать мне в Москву пора же...
Я схватил бы за бока вас
И умчал бы в те паражи,
Где в рубахах Ганимеды
Угощают всем, что надо,
Где сроднили уж обеды
С радикалом ретрограда.
Но увы! трактиры те же,
Да года-то уж иные,

Аппетит приходит реже,
Чаще снятся сны дурные.
Скрылись дни Аранхуэца,
Консул Планк давно уж помер.
Не успеешь оглядеться –
Трах! в тираж попал твой номер.
К Ганимедам бородатым
Ехать вовсе неохота.
Не кутить теперь – куда там,
Лишь кончалась бы работа.
Не оставивши потомка,
Я хочу в потомстве славы,
Объявляю это громко,
Чуждый гордости лукавой.
Но стянула жизнь у славы
Десять лет по крайней мере,
Так теперь я должен, право,
Наверстать сию потерю.
Мысль о пьянстве, о цыганах
Навсегда я оставляю
И о внутренних органах –
Не трактирных – помышляю.
1890-е годы
«Когда в свою сухую ниву...»
Когда в свою сухую ниву
Я семя истины приял,
Оно взошло – и торопливо
Я жатву первую собрал.
Не я растил, не я лелеял,
Не я поил его дождем,
Не я над ним прохладой веял
Иль ярким согревал лучом.
О нет! я терном и волчцами
Посев небесный подавлял,
Земных стремлений плевелами
Его теснил и заглушал.
«Старую песню мне сердце поет...»
Старую песню мне сердце поет,
Старые сны предо мной воскресают,
Где-то далёко цветы расцветают,
Голос волшебный звучит и зовет.
Чудная сказка жива предо мной,
В сказку ту снова я верю неволью...
Сердцу так сладко, и сердцу так больно...
На душу веет нездешней весной.
«Что случилось вдруг с тобой? В твоих глазах чудесных...»
Что случилось вдруг с тобой? В твоих глазах чудесных
Откуда принесла ты этот дивный свет?
Быть может, он зажжен и не в лучах небесных,
Но на земле, у нас, такого тоже нет...
На что ты так глядишь? Что слушаешь так жадно,
Не видя никого и целый мир забыв?
О чем мечтаешь ты то грустно, то отраднo?
Куда тебя унес неведомый призыв?
Но миг – и свет угас! – привычно и послушно
Вступаешь снова ты в начатый разговор, –
И, будто огонек далекий, равнодушно
Едва мерцает нам твой потускневший взор.
«Трепетали и таяли звуки...»
Трепетали и таяли звуки
И в безбрежную даль убегали;
Стихли сердца тревожного муки,
Потонув в беспредметной печали!
Эти звуки с собой уносили
Далеко все земные виденья
И рыдали, и тихо просили,
И замолкли в тоскливом волненье.
Ликовали знакомые звуки,
Возвращаясь из сумрачной дали,
За томленье минутной разлуки
Сколько счастья они обещали!

И, нежданные вести встречая,
Сердце в светлые грезы оделось
И, на райский призыв отвечая,
Чистым пламенем ярко зарделось.
<Эпиграмма на К.П. Победоносцева> [36]
Сановный блюститель
Духовного здравья,
Ты, рабства, бесправья,
Гонений ревнитель,
Кощей православья!
Исполненный лести,
Коварства и злобы,
Наушник без чести,
Скопец от утробы!
Зачем без нужды себя вновь замарал?
Зачем у старушки ты книгу украл?
Кого обокрал ты?
Не ксендза, не ламу:
Придворную даму!..
И как не пропал ты
От сраму?
Когда в Кольвани,
Верны убежденью,
Свершают крещенье
Свое лютеране,
Печать уж заране
Кричит: преступленье!
Всех их в заточенье!
В острог!
Тебе ж комплименты
Строчат рецензенты
За явный подлог.
Крести ты хоть Ригу,
Как крестишь чукчей,
Бурят, лопарей;
Но... крестишь ты книгу
Чужую своей!
Где соль тут? Где перец?
Она – иноверец?
Она – униат?
Иль, мнишь ты, спасенный,
В рай внидет крещенный
Тобой плагиат?
Скажи мне, какой укусил тебя овод?
С какою ты целью?
Иль так, по безделью?
Иль в старости вдруг захотел ты дать повод
Веселью?
И выбрал же время
Ты! В этакий год!
Народ на народ
И племя на племя,
Хлебов недород!
Исполнилась чаша!
Готовится каша:
Политика ваша
Даст плод.
Святитель во фраке!
За подлость и враки
Пусть спят твои мощи
В осинової роще –
Не в раке,
Они хоть и тощи, –
Не глядя на это,
В голодное лето
В именье у тещи
Их сгложут собаки
В глухом буераке.
1892
<Эпиграмма на В.В. Розанова> [37]
Затеблю я свою лампаду

И духом в горних воспарю:

Я не убью, я не украду,

Я не прелюбы сотворю...

.....

И, в сонме кротких светлых духов,

Я помолюсь за свой народ,

За растворение воздуха

И за свя-тей-ший пра-ви-тель-ствую-щий Сино-о-о-од!

1890-е годы

«Я не люблю таких ироний...»

Я не люблю таких ироний,

Как люди непомерно злы!

Ведь то прогресс, что ныне Кони,

Где прежде были лишь ослы!

1890-е годы

Альсим

Альсим – молодой поэт.

Элеонора – трапезундская дева.

Сатана

Профессор

Слуга

Явление первое

Входят Сатана и Профессор.

Сатана

Хозяев нет! Вы, впрочем, не смещайтесь!

Я в этом доме как в своем.

Спокойно здесь располагайтесь –

Мы побеседуем вдвоем.

Профессор

Я очень рад, любезный Сатана!

Мне есть до вас серьезнейшее дело:

Им вся душа моя теперь полна,

И не одна душа, но даже тело.

Сатана

А, вот и прекрасно! Я сам только что собирался просить

вас оказать мне маленькую услугу.

Сторонник я взаимных одолжений,

Или эквивалентов, так сказать,

А потому прошу без замедлений

Мне ваше дело рассказать.

Профессор

Замыслив совершить полезную аферу,

Я дом свой каменный продал.

Чтоб пошлин не платить чрез меру,

фиктивную я цену показал.

Дом стоил пятьдесят семь тысяч с половиной,

А в купчей я вписал лишь двадцать пять.

Злодей мой покупатель с довольной миной

Мне поспешил их тотчас же отдать

«А остальные, – я спросил, – когда же?»

Тот изумился вдруг и начал уверять,

что никогда он и не думал даже

Мне больше двадцати пяти давать.

Тут для меня вселенная сокрылась...

Печальный флер подернул небеса,

Каким-то дымом вся земля покрылась,

Исчезли реки, горы и леса.

Что быть могло, что было, есть и будет –

Слилося всё в бессмысленный хаос...

Ах! скорбный дух вовеки не забудет,

что в этот страшный миг он перенес.

Мне стало всё равно, страдать иль наслаждаться,

Гореть враждой иль пламенно любить,

Владеть ли истиной иль только заблуждаться,

Быть битым или самому всех бить;

как будто звон какой то погребальный

Наполнил сердце бедное мое...

Ах, боже мой! как потекло печально

Мое досель счастливое житье!

Жена скорбит, малютки приуныли,

В прислуге дух анархии возник,
В моей душе страдания открыли
Неиссякаемый и горестный родник.
Помыслить не могу, я о минуте счастья,
Покуда денег всех не получу сполна –
А получить мне их без твоего участия
Надежды нет, любезный Сатана!
Так помоги же мне, тебя я заклинаю
Всем сущим на земле, в водах и в небеси,
Всем, что известно мне, и всем, чего не знаю:
О Сатана, помилуй и спаси!

(Падает на колени)

Сатана

(поднимая его)

Охотно вам я помощь окажу,
Тем более, что, другу помогая,
Я и себе тем самым услужу...

Профессор

О, говорите! Я томлюсь и замираю.

Сатана

Видите ли что, любезный мой профессор! Оказать вам прямую денежную помощь для меня невозможно – я и сам живу долгами. Но вы можете получить всё, чего пожелаете, и гораздо больше, если только захотите воспользоваться страстными чувствами, которые вы успели внушить хозяйке этого дома; а я берусь быть между вами посредником.

Профессор

Вы говорите про господина!.. то есть, я хочу сказать, про госпожу Элеонора? Но она видела меня только мельком, когда я приезжал встречать вас на вокзал Курской железной дороги.

Сатана

Да! Но для ее пламенной южной природы одного взгляда было достаточно, чтобы вспыхнуть, как пороховой ящик, и меня удивляет только, как она не взлетела на воздух. Надеюсь, что она произвела на вас благоприятное впечатление?

Профессор

Как вам сказать? Мне показалось, что у ней вот здесь что то вроде бороды.

Сатана

О, это ничего, это трапезундская мода, в Москве она будет бриться. Но дело не в этом! Важно то, что она единственная наследница одного трапезундского банкира, у которого 11 миллионов капитала и сверх того богатейшие алмазные копи, а с предметом своей страсти она готова поделиться всем своим богатством, разумеется если эта страсть будет разделена.

Профессор

О дорогой мой, бесценнейший господин Сатана! Знаете ли вы, что с самого нежного возраста я люблю только мужественных женщин – женственные женщины всегда были мне только противны. Бессмысленное различие между женщиной и мужчиной возмущает меня до глубины души. Я думаю, что все беспорядки в мире происходят именно от этого. Моей любимейшей героиней во всемирной истории сделалась Орлеанская девственница после того, как новейшие историко-медицинские исследования показали, что она была...

Сатана

Оставим пока о новейших историко-медицинских исследованиях. Мне сейчас пришло в голову одно затруднение – ведь вы женаты?

Профессор

О, это ничего не значит. Это легко устранить!

Сатана

То есть так?

(Дотрагиваясь до своего горла.)

Браво!

Профессор

Господин Сатана! Вы меня оскорбляете! Чтобы я, поклонник категорического императива, я, который из нравственного принципа не беру с своих должников более сорока процентов в месяц, чтобы я решился устранить жену свою преступным способом! никогда! Хоть бы погибла вселенная! Вот мой девиз.

Сатана

Но если не преступным, то каким же другим способом устраните вы ее, любезный профессор?

Профессор

Способом экономическим.

Сатана

Это что такое?

Профессор

Соловьев В. Полное собрание сочинений filosoff.org
Через сокращение питания. Сначала буду давать ей половину обыкновенного обеда, потом четверть, потом 1/8, 1/16, 1/32 и т. д. По моему расчету, когда дойдет до 1/2048 обыкновенного обеда, она благополучно скончается сама собой, оставляя меня и свободным, и невинным, ибо экономия законом не воспрещается.

Сатана

Вот и отлично! Значит, по рукам! Часа через два заходите сюда еще, чтобы увидеть прекрасную Элеонору. Я тоже приду. До скорого свиданья, почтеннейший.

Профессор

До свидания, мой драгоценный Сатана! Бесконечно вам обязан. Да вознаградит вас нравственный закон!

(Уходит.)

Сатана

Вот так ловкая штука! Зараз двух зайцев поймал. Эта ученая селедка уморит свою жену экономическим способом и через то окончательно попадет в мои лапы, и вместе с тем, связавшись с трапезундским козлом в юбке, доведет несчастного Альсима до какой-нибудь пакости, а мне именно это и нужно, а то иначе он, пожалуй, ускользнет от меня. Хоть есть у меня на него документ – договор, подписанный кровью, ну, да ведь это одно только суеверие. Кто же в наш просвещенный век допускает такие глупости!

(Уходит.)

Явление второе

Кабинет Альсима в Москве

Альсим

Исполнились мечтания

О бракосочетании!

О жизнь!.. Существование!..

Любовь!.. Очарование!..

Блаженствуй, о Альсим!

(После паузы)

Сбылось всё, чего душа искала,
Сбылось всё, о чем мой ум гадал,
Сбылось всё, что сердцу оказала
Святая вера в вечный идеал.

Да! это так! Сбылись мечты поэта,
И жизни новый свет мне заблистал.
Я сам – досель блуждавшая комета,
Звездой неподвижной стал.

Мои челн у брега: на скалу я
Уж не наткнушь теперь вовек.
Волшебный миг немого поцелуя
Мне показал, что значит человек!

Человек

(показываясь в дверях)

Чего изволите?

Альсим

Кто тебя спрашивал? Ступай к черту!

Человек

Чего ходить-то? Сам ведь обещался зайти, нешто не слышали?

Альсим

Что говорит этот невежа?

Человек

Вы бы, сударь, вместо того чтобы зря ругаться, да с чертями дружбу водить, кругом себя хорошенько б поглядели: на что это похоже?

Альсим

Что такое?

Человек

Про супругу говорю. Разве такие барыни бывают! Я вам хоть по пальцам доложу. Первое – насчет табаку. Известно, ежели барыня хочет курить – кури папироску, сигарку кури, ну, а чтобы барыня тютюн из трубки целый день тянула, так этого, к примеру, ежели по всей империи искать, так не найдешь! Второе – водка. Я против водки – ничего! Потому напиток настоящий – как есть в самую пропорцию. Только всякий свою деликатность в раз- мерах должен соблюдать, потому как всякое создание стоит в своем определении. Ежели, к примеру, соседский кучер Обдул пьет штоф, я штофа пить не буду; я выпью полштофа, потому как я в своем звании лакеи и должность не имею, чтобы, то есть, стоять на тонкой линии. Ну, а барыня должна пить рюмками, потому как она есть дамского сложения...

Альсим

Умолкни, чернь непросвещенная и презираемая мной!

Человек

Это точно, мы из Черни – Чернского, то есть, уезда, ну, а насчет просвещения, хотя грамоты не сподобились, а всё же довольно хорошо можем понимать, что барыне с рыжей бородой ходить не резон!

Альсим

Вон!

(Выталкивает его. После паузы)

Однако грубый сей простолюдин

Смутил мое очарованье,

Чтоб возвратить его, мне способ лишь один,

И способ сей – воспоминанье!

(Прохаживается по комнате.)

С Трапезунда к Таганрогу

Незабвенный переезд!

Месяц освещал дорогу

Посреди мильона звезд.

Волны черные кипели,

Воздымались валы,

А над морем чайки пели

И слетались орлы.

Пароход летел, как птица,

Я на палубе стоял

И души моей царицу

Нежной дланью обнимал.

Трапезунд исчез в тумане...

Вдруг рассеялся туман.

Руку спрятавши в кармане,

Подошел к нам капитан.

«Где Ваш пачпорт?» – Я ответил,

Шляпу сняв: «У Сатаны!»

Он же с дерзостью заметил:

«Вы рассудка лишены!»

Но, взглянув на Леонору,

Замолчал и прочь пошел

И, в свою залезши нору,

В сне спокойствие нашел.

Элеонора тоже ушла в каюту. Я же не смог спать. Я продолжал стоять на палубе, всматриваясь в фосфоресцировавшее море. И – странное дело! Длинная осенняя ночь пролетела, как полчаса! Эта непонятная быстрота так удивила меня, что на другое утро я решился спросить о ее причинах у капитана, несмотря на его вчерашнюю невежливость. Впрочем, на этот раз он оказался далеко не свирепым и на мой вопрос грустно, но учтиво ответил: «И вы не знаете этого, молодой человек? А между тем это явление корениться в самой натуре вещей. Ведь мы на море, и натурально, что течение морских волн, присоединяясь к течению времени, производит его ускорение; и это, разумеется, только ночью, потому что днем лучи солнца, расширяющиеся от теплоты, парализуют применение этого закона». Сказав это, капитан удалился, оставив меня в величайшем смущении. Я проклял классицизм филологии, который выбил из головы моей даже столь элементарные истины физической науки. Но вот вошла Элеонора, и радости любви заставили меня забыть мою неудачу на поприще науки. Впрочем, вследствие начавшейся качки и других неудобств, мое блаженство было неполно. Но когда мы вышли на берег, тогда... скромность заставляет меня умолкнуть. В глубине моего сердца должен я заключить восторженные порывы моей души. Но здесь, подобно разгоряченным парам, сдавленным стенками парового котла, мои страстные чувства получают силу неодолимою. Я пламенею... Я задыхаюсь.

Элеонора – да! моя Элеонора!

Она во мне, я в ней – и это не во сне!

О, дайте мне воды, воды, ить очень скоро

Я весь сгорю на собственном огне.

(Кричит)

Скорей, скорей воды!

Показывается Сатана, держа в одной руке ведро и лом, а в другой графин с водой.

Сатана

Пожар иль жажда? То иль это?

Огня, однако, не видать,

И потому я без ответа

Могу спокойно наливать.

(Наливает из графина воды в стакан и подносит Альсиму.)

Испить воды полезно и приятно,

Тебе ж служить и в этом я готов.

(Про себя)

Хоть я совсем не зол, но все-таки занятно
дурачить эдаких скотов.

(Исчезает.)

Альсим

(выпивает понемногу воду, бросает стакан на пол и в ужасе говорит)

В воде сей яд, отравлен сей напиток:

лишь только я хлебнул – сомненья родились

и, будто некий мрачный свиток,

Перед душою развились.

(После продолжительной паузы, во время которой различными телодвижениями изображает свои душевные волнения.)

Не борода меня смущает и тревожит...

что борода? Волос случайный агрегат!

Нет, что мой ум гнетет, что сердце рвет и гложет,

Что гонит сон от глаз, когда все люди спят,

Так это нрав ее презрительный и злобный,

Наклонность бить, и бить по пустякам.

Кто б думать мог, что с красотой подобной

совместна страсть к ударам и пинкам!?

(Закрывает лицо руками, затем, став на колени перед образом, произносит следующую молитву)

Морфей, о сладкий бог, в пуховые объятия

Скорей меня приняв, свой тихий сон пошли

и раны все мои, без всякого изъятья,

Забвенья пластырем покрой и исцели.

Входит Элеонора.

Элеонора

Он только спать умеет, поросенок необразованный. Боги Трапезундские! За что вы меня обманули? Я просила у вас мужчину, а вы мне дали тряпку. Даже и мой новый знакомый профессор, и тот не в пример приятнее. Хоть рожа у пего кислая и фигурой он на засохшую селедку похож, да зато хотя солидность есть, говорит внушительно, ну, а этот Альсимка, я уж не знаю, чем только прельстил меня. Разве тем, что у меня борода, а у него нету? А кроме этого в нем ничего не найдешь. И зачем это Сатане его душа понадобилась? Впрочем, в аду и такие годятся: там ими улицу мостят вместо бульжника. Да мне-то какво жить с ним до тех пор! Просто тоска! Хоть спеть что-нибудь, с горя.

(Поет)

Ах, почто за меч воинственный

Я мой посох отдала

И тобою, дуб таинственный,

Очарована была!

Альсим

(просыпается)

какая песнь? Обидные слова!

ты не меня ли дубом называешь?

Элеонора

Тебя, баран, баранья голова,

А что за сим – тотчас же ты узнаешь!

(Бьет его.)

Альсим

Бей меня, о жестокая, но не забывай моего имени! Меня зовут Альсим, Альсим, а не Зосим.

Элеонора

Какой Зосим? что ты мелешь такое, мельница без муки?

Альсим

Как? Разве ты не сказала: «А что, Зосим, тотчас же ты узнаешь»?

Элеонора

О, чурка бестолковая!

(Бьет его)

Входят Сатана и Профессор.

Профессор

Обуздываете супруга? Превосходно! Свобода и порядок прежде всего! Таков мой девиз. Вы применяете его вполне и при том следуя великому принципу разделения труда: свобода для вас, порядок для него. Одобряю вполне. Вы достойны быть m-me Роллан будущей умеренной республики в России!

Элеонора

Чрезвычайно вам признательна

я за этот комплимент.

О профессор увлекательный,

Вам бы прямо в парламент.

Шепчутся между собой, жмут руки и целуются.

Альсим

Как тут быть? Уйти? Зажмуриться?

Показать, что не видал?

Сатана

Черт возьми! Они амуруются!

Признаюсь! Не ожидал!

Профессор

Однако, молодой человек, вы здесь лишний. Я думаю, вам бы лучше было сидеть за Моммсенем или Зибелем, нежели олицетворять собою праздность – мать всех пороков. Я уверен, что вы ничего не знаете, например, из истории. Скажите мне, какие проявления индивидуального духа противодействовали вредному влиянию христианства на нравственность в Средние Века? Вы молчите? Вы не знаете? Так скажите, по крайней мере, к какой породе принадлежат павлины, перья которых употреблялись древними римлянами для искусственного произведения морской болезни?

Альсим

(в смущении)

Г. профессор, я употребляю для этого указательный и средний палец левой руки.

Профессор

Вы отвечаете не на вопрос! Я вижу, что вы лишены не только необходимых сведений, но и способное гипонимания. Но если по этой причине вы не можете предаться наукам, вы могли бы, по крайней мере, заняться каким-нибудь почечным практическим делом, напр<имер> да- вать деньги в рост.

Сатана

Я имею причины думать, что это благородное художество может совмещаться и с научными занятиями.

Профессор

Теперь, молодой человек, можете идти, и я советую вам не показываться мне на глаза, пока не приобретете того, чего лишены.

Сатана

Если это рога, то он приобретет их довольно скоро. Смелей, дружище, не сомневайся!

Альсим делает умоляющий жест в сторону Элеоноры, та показывает ему кулак. Он хватается за голову и убегает. Сатана стедует за ним. Профессор и Элеонора обнимаются. Занавес.

Альсим

Так вот она – виденье совершенства,

Мой светлый ран, мой чудный идеал.

Альсим, Альсим, ты жаждал лишь блаженства,

А злобный рок тебе мученье дал.

Чего же ждать? К чему еще стремиться?

Чего душою пламенной искать?

Иль дать судьбе спокойно совершиться,

А самому бессильно прозябать?

Или восстать и с гордостью Титана

Смотреть в глаза враждебным небесам?

Иль бросить всё и с помощью обмана

Бежать скорей к далеким берегам?

Кто скажет мне, кто даст мне указанье?

Иль нет, постой! помедли! погоди!

Быть может, это только испытанье,

И ждет тебя блаженство впереди?

А если так, к чему же торопиться?

Еще немного можно подождать

Когда ж придет пора на что-нибудь решиться,

Альсим себя сумеет показать!

Между 1876 и 1878

Белая лилия, или Сон в ночь на Покрова

Мистерия – шутка в 3-х действиях

Кавалер де Мортемир, богатый, но совершенно разочарованный землевладелец.

Халдей, служащий в Азиатском департаменте, практичен.

Инструмент, отставной драгун, обладает физической силой и готовностью.

Сорвал, молодой человек, говорит и делает большую часть одно вместо другого.

Граф Многоблюдов, страдает размягчением мозга.

Генерал Хлестаков, сочинил все диалоги Платона и был тайною причиной того насморка, который помешал Наполеону разбить русскую армию под Бородином. Сокрушенный помещик, преданный изучению трансцендентальной физики.

Соловьев В. полное собрание сочинений filosofff.org
Скептик, служащий по министерству финансов
Неплюй-на-стол, древний мудрец.
Галактя, Альконда, Терebinда – три дамы, приятные со всех сторон
Солнце, неподвижная звезда третьей величины.
Птицы.
Растения.
Волк.
Львы и тигры
Кроты.
Совы.
Голос из четвертого измерения.
Медведь.
Белая лилия.
Первое действие происходит в Петербурге.
Второе – в неизвестном лесу.
Третье – близ южного Тибета.
Действие первое
Зимний сад в доме кавалера де Мортимира. Вечер. Издали слышны музыка и гул разговоров.
Явление первое
Входит Сокрушенный помещик, без галстука и в незастегнутой одежде, и
Скептик
Сокрушенный помещик
О четвертом измерении
Размышляя ежечасно,
В совершенном изнурении
Погибаю я напрасно.
То сию я без движения.
То скитаюсь тенью бледной,
А ведь мог бы я с имения
Получать доход безбедный!
Но, четвертым измерением
Неумеренно плененный,
В самом жалком положении
Я живу, всего лишенный;
И хотя на иждивении
Скоро я умру казенном,
Всё ж вопрос об измерении
Остается нерешенным.
Скептик
О, как вы счастливы в сравнении со мною,
Для помыслов найдя какой-нибудь предмет,
Напрасно я искал, чего б искать душою –
Ни цели, ни пути передо мною нет.
И вечером, и утром рано,
И днем, и полночью глухой,
В жару, в мороз, средь урагана,
Я всё качаю головой.
То устремляю взор свой в землю,
То с неба не свожу очей,
То шелесту деревьев внемлю,
Гадая о судьбе своей...
Какую мне избрать дорогу?
Кого любить, чего искать?
Идти ли в храм молиться богу,
Иль в лес – прохожих убивать?!Явление второе
Те же и Отчаянный поэт.
Отчаянный поэт
Мне двадцать лет,
И я поэт –
Поэт всемирной скорби-с.
Мой волос сед –
Мышленья след, –
Хожу немного сгорбась.
И пить, и есть,
И лечь, и сесть
Мне геморрой мешает...
Так жизни цвет,
Под гнетом бед
Зачахнув, увядает.

Мой идеал
Давно пропал;
В душе мороз трескучий, –
Лишь в грезах сна
Мелькнет она,
Как радуга над тучей!..
Но лишь проснусь
И оглянусь
Кругом – опять всё скверно:
Печалей рой
И геморрой –
Уж геморрой-то ве-е-ерный!
Так жить нельзя!
Прими меня,
О смерть, в свои объятия!
Хоть я не свят,
Но всё же в ад
Попасть нет вероятья.
Мне холодно...
Могилы дно
Поэта ожидает.
Спасенья нет!
Гляди же, свет,
Как гений погибает!..
(Вынимает из кармана панталон веревку, чтобы удавиться, но при этом на пол падает красненькая бумажка.)
Сокрушенный помещик и Скептик
(Подняв упавшую бумажку и показывая ее поэту, торжественно)
Государственный кредитный сей билет
От гибели спасет нас, о поэт!
Отчаянный поэт
(в экстазе)
Надеждой порою сияет небосклон!
Взошла моя заря в кармане панталон.
(Берет и рассматривает билет.)
Остался он от мзды, что дал книгопродавец...
Идемте ж к Палкину... Нет, в Малый Ярославец!
(Берет под руки Сокрушенного помещика и Скептика и удаляется вместе с ними.)
Явление третье
Входят Галактея и Халдей
Галактея
Вы знаете, он уезжает... Это большой секрет, он просил никому не говорить.
Мне грустно... Вы не можете вообразить, как я много геряю. La vie s'en va. [38] Ничто больше меня не радует и не занимает.
(Смотрит на него пристально.)
А знаете, у вас очень красивый нос, – я прежде и не замечала.
(Подходит к окну)
Посмотрите, какая восхитительная ночь, как ярко сияют звезды, совсем как в стихах Тютчева.
Халдей
(Смотрит через ее плечо)
На звезды глядишь ты, звезда моя светлая...
О, быть бы мне небом, в широких объятиях
Держать бы тебя и очей мириадами
Тобой любоваться в безмолвном сиянии...
Галактея
Ага! Вы, кажется, говорите стихами? Я очень люблю стихи насчет моей красоты. Скажите, вы не итальянец?
(В сторону)
Боже, какой у него красивый нос!
Халдей
Нет, я не итальянец, но могу заменить его с успехом.
Галактея
Впрочем, я и забыла, что вы Халдей.
Халдей
О, это не более как каламбур судьбы.
Галактея
Калам-бур? С чего вы это взяли?.. он, напротив, прекрасный колорист. Но какая же ваша нация?
Халдей

Это страшная тайна. А впрочем...

(Говорит ей на ухо)

Я – грузин!

Галактея

(вне себя от восторга)

Грузин!!

(Прыгает и бьет в ладоши.)

Он – грузин, он – грузин!

Халдей

(самодовольно)

Я – грузин, я – грузин!

Это знаю я один.

Галактея

(в экстазе)

Он – грузин, он – грузин!

Это знает он один!..

Берут друг друга за руки и поспешно убегают.

Явление четвертое

Входят Терebinда и Инструмент.

Теребинда

Отчего вы не кирасир?

Инструмент

Через 24 часа я буду кирасиром.

Теребинда

Знаете, чего мне теперь хочется?

Инструмент

Не знаю, но исполню немедленно.

Теребинда

Я хотела бы быть закатанной в одеяло, в одно одеяло – понимаете?– и чтобы какой-нибудь ужасно большого роста и ужасно сильный человек, какой-нибудь великан или патаговец, носил меня на руках по большому темному саду...

Инструмент

(вставая)

Я готов-с.

Теребинда

Ха-ха-ха! Разве вы патаговец?

Инструмент

(отирая лицо платком)

Суший потогонец, как видите-с.

Теребинда

Фу, какие глупости. Но что же это с вами, однако?

Инструмент

Мне жарко-с.

Теребинда

Но отчего?

Инструмент

Мне жарко потому, что я тебя люблю,
Хоть знаю, что вконец себя я погублю,

Но тем не менее, как свечка, я горю.

Как свечка, я горю и таю, как она.

А ты? Ты в ледяной покров облечена,

Как мрамор, ты глуха к отчаянной мольбе!

Мне жарко потому, что холодно тебе!

Теребинда

О да, я очень холодна. Я холодна, но любопытна. Мне интересно было бы видеть, до чего может дойти ваша пламенная страсть. *Donnez-moi le bras.* [39]

Уходят

явление пятое

Входит Альконда и бросается на софу.

Альконда

Боже мой, как я устала! *Je n'en puis plus!* [40] А этот глупый медвежонок.

Сорвал, еще отдал мне ногу. Никогда в жизни не видала я такого идиота.

явление шестое

Входит Сорвал.

Сорвал

Вы искали уединения? Я – также! И так, уединяясь, мы соединяемся.

(Садится около нее. После некоторого молчания)

Позволите ли слезами отчаяния омочить лоно любви?

Альконда

Ах, что с вами? Сядьте, пожалуйста, немного подальше!

Сорвал

дайте мне вашу руку!

Альконда

Ну, что же дальше?

Сорвал

Я думаю, что если бы эта рука была вашей, то есть я хочу сказать моею, и если бы мое сердце... Нет, я не могу больше говорить... Если вы меня не полюбите, я...

(Растопыривает руки и раскрывает рот и глаза.)

Альконда

Полюбить вас?.. Любовь хорошая вещь, но только не здесь, нет, не здесь...

Ах, зачем родилась я девицей

Между этих противных людей,

А не вольной пернатой птицей

Средь простора лесов и полей.

По вершинам зеленых деревьев,

Под навесом тенистых садов,

В одеянье из пуха и перьев

И с обедом из свежих плодов –

Вот как жить и любить я б желала,

Вот когда б я душой расцвела!

Как изящно тогда б я летала,

Как искусно гнездо бы вила! ..

А здесь у нас, среди этой мебели, в этих домах и на этих улицах...

Сорвал

Зачем же на улице?!

Альконда

Dieu, qui'il est be te.[41] И потом вы знаете, я не выношу ничего, противного эстетике, ничего грубого, а у вас, я слышала, ужасно грубые привычки. Мой дядя, Многоблюдов, сам видел, как вы рыбу с ножа и дичь – руками!..

Явление седьмое

Граф Многоблюдов появляется в дверях.

Граф Многоблюдов

Да, молодой человек, я говорил и утверждаю, что вы не умеете есть!

(Проходит.)

Явление восьмое

Сорвал

О, если дело только за этим, то я совсем не буду есть ни рыбы, ни дичи. Охотно приношу мою любовь на алтарь этих животных, то есть я хотел сказать наоборот, но это всё равно... Альконда! Пока мы одни, я должен заплатить дань своим восторгам! (Хочет обнять ее.)

Альконда

(отталкивая его)

Вы, кажется, совсем с ума сошли?

Сорвал

Как хотите, но моя любовь требует пищи.

(Хватает ее за ногу и, сняв башмак, поспешно сует его себе в рот, но давится высоким каблуком и падает на пол в конвульсиях.)

Альконда

Несчастный! Кто же так делает? Нужно начинать с носка!

Явление девятое

Граф Многоблюдов появляется в дверях.

Граф Многоблюдов

Я говорил, что он не умеет есть!

(Проходит.)

Явление десятое

Альконда и Сорвал, в судорогах катающийся на полу.

Альконда

Однако он может тут умереть! Кто там! Скорей, скорей, au secours, au secours![42] Соли, соли!

Явление одиннадцатое

С разных сторон сбегаются: слуга с солонкой на подносе, генерал Хлестаков, Халдей и Галактея, Инструмент и Терebinда.

Генерал Хлестаков

Ну вот, ну вот! Извольте полюбоваться! Вот оно – наше молодое поколение!

Дамский башмак проглотить не может! Подавился, ей-богу, подавился! Как вам это покажется? А я бывало по дюжине ботфортов со шпорами глотал – и ничего! Только в животе позвякивало.

Все

(становятся вокруг Сорвала и поют хором)

Ах, несчастный Сорвал!

Он башмак засовал
В глотку.
Может он умереть,
Его нужно тереть
Водкой!
(Вытаскивают башмак изо рта Сорвала и приводят его в чувство.)
Сорвал
Не успевши удавиться,
я желал бы удалиться!
Все
(предупредительно)
С удовольствием уйдем
И оставим вас вдвоем.
Все уходят в одну сторону, Сорвал с Алькондою в другую. Сцена остается
несколько времени пустою.
Явление двенадцатое
Входит кавалер де Мортемир в дорожном платье и с чемоданом в руках, который
поставив на пол, несколько времени стоит в задумчивости, опустив голову, и
затем говорит.
Мортемир
Тяжелой тоской, как цепями окован,
Стою я и в землю гляжу.
Хотя чемодан мой давно упакован,
Но с места я всё не схожу.
Пауза.
Если ветер осенний безжалостно смёл
Всё, чем в жизни душа любовалась,
Если сад твоих грез безвозвратно отцвел,
Если трость твоей веры сломалась...
Явление тринадцатое
Входит Галактея.
Галактея
Когда же, милый друг,
Мы вновь увидим Вас?
Мортемир
(не слыша ее)
Да, мой огонь потух,
И пламень мой угас!
Галактея
Скажите же, когда?
Мортемир
Про это знает бог!
Стремлюся я туда,
Откуда нет дорог.
Галактея
Как? И любовь моя
Тебе уже постыла?
Мортемир
О нет! Но кровь моя
Как будто бы застыла.
Галактея
(иронически)
О, это потому,
Что ты любил безмерно!
Мортемир
Корить меня к чему?
И без того мне скверно!
(После паузы)
Я любил, хоть мыслью каждой
Сознавал любви обман,
И ловил с безумной жадной
Убегающий туман.
Но страстей в позорный свиток
Я слегка лишь заглянул
И отравленный напиток,
Не допивши, оттолкнул.
Галактея
О, боже мой, слегка?!
Где лгать ты научился?
Но вот моя рука –
Со мной ты не простился...

Мортемир

О, не считай меня неблагодарным!

Тебя любил я более других.

Ты метеором лучезарным

Мелькнула в мраке дней моих.

Галактея

Si c'est ainsi,[43] я и еще, пожалуй,

Во мраке дней твоих готова поблистать.

Мортемир

merci![44] в моей душе, поблекшей и усталой,

Ты новые огни привыкла возбуждать.

(Хочет обнять ее.)

Галактея

(уклоняясь)

Скажи сперва, зачем ты покидаешь

Своих друзей?

Мортемир

Ах, милая! Ты многого не знаешь

В судьбе моей

(Сильно сжимает ее в своих объятиях.)

Голос из четвертого измерения

(одному Мортемиру слышимый)

Сладко извергом быть

И приятно забыть

Бога!

Но тогда нас ждет до-

вольно скверная до-

рога!

Мортемир

(отскочив от Галактеи)

Извините, пожалуйста!

Галактея

(относя его слова к себе)

Я вижу, ты со мною лицемеришь,

О Мортемир!

Мортемир

Ах, как мне тошно, ты и не поверишь,

Глядеть на мир!

Галактея

(вынимая из-за корсета три необычайного вида цветка и подавая их Мортемиру)

Вся наша жизнь – обман, томление и слезы,

В конце же – гроб.

Тебе на память, друг, я три волшебных розы

Оставляю, чтоб

В себе хоть призрак сладостных мгновений

Будить ты мог,

Чтоб под тяжелым бременем твой гений

Не изнемог.

Мортемир

Итак, – прощай!

Галактея

...Но что ж сказать мену я

Гостям твоим?

Мортемир

Скажи, что навестить сестру я

Уехал в Крым.

Галактея обнимает его и уходит

явление четырнадцатое

Мортемир один, подносит к лицу Галактеины розы, нюхает несколько и потом,

медленно роняя, говорит.

Мортемир

Приятно пахнут эти розы,

Когда в груди огонь горит

И целый мир волшебной грезы

С душою внятно говорит;

Когда в синеющем тумане

Житейский путь перед тобой,

А цель достигнута заране –

Победа предваряет бой;

Когда серебряные нити

Идут из сердца в область грез...

О боги вечные, возьмите
Мой горький опыт и верните
Всю силу первых вешних гроз!

Да, знал я вас, златые годы,
Невинно-дерзкие мечты,
Порывы гордые свободы,
Виденья тайной красоты,
Когда далекий звук рояли
Иль шелест платья по песку
В мечты всю душу погружали
И непонятную тоску
Иль сладкий трепет возбуждали.
Где вы, пленительные сны
И беспредметные печали?
Напором жизненной волны
Далёко вы унесены;
Порывы бурные умчали
Вас, розы первые весны,
И там, где вы погребены,
Цветы другие расцветали
И так же скоро отцвели
Или безвременно увяли.

Но пусть будет позабыто
И навеки тьмой сокрыто
Всё, что было прежде!
Место дам надежде.
Может Белую Лилею
Я найти еще успею.
И поэтому – вперед,
В мой таинственный поход!
Слышен шум приближающейся толпы
Прощайте все! Вас видеть было б тяжело
Душе моей.
Но где моя дорожная фуражка?
Здесь! И перчатки в ней.
(Поспешно уходит.)
Действие второе
Живописная поляна в неизвестном лесу. Заход солнца.
Явление первое
Солнце
Я опять захожу
И уныло гляжу
Не видал я ее и сегодня.
Горе мне! Ее нет,
Без нее ж белый свет
Для меня не милей преисподней!
(Задерживает лицо тучами и плачет мелким дождем.)
Птицы
Мы поем, мы поем,
Вместе с солнцем мы ждем
Златокудрой царицы явленья;
Но не слышит она:
От глубокого сна
Не пробудит ее наше пенье.
Растения
Мы растем и цветем,
Бог поит нас дождем.
Ароматы мы льем
И трепещем, и ждем,
Чтоб, небесной красою сияя,
Как царица цветов,
Из обители снов
Появилась владычица рая.
Волк
Я убийца и вор.
Кровожаден мой взор,
И труслив я к тому же чрезмерно!
Хоть большой я подлец,
Но и я, наконец,

Тяготиться стал жизнью скверной.

Хвост поджав, я лежу
И на небо гляжу:
Не сойдет ли оттуда царица,
Про которую тут
Свои песни плетут
И цветы, и болтливые птицы.
Хор львов и тигров
Ддааа!

Мы разбоем живем,
С встречных шкуру дерем,
Жрем их прямо сырьем,
Кровь горячую пьем,
Но и мы тоже ждем
Всё чего-то; тайком
По ночам слезы льем
И, махая хвостом,
Помышляем о том,
Чтобы с этим житьем
Нам покончить добром...
Ддааа!

Все

Солнце, солнце! хоть бы ты
К нам царицу красоты
Силой пламенной своей,
Сетью радужной лучей
Привлекло и заманило!
Больше ждать нам уж невмочь,
Без нее нам всё постыло:
День не в день, и ночь не в ночь,
Без нее весь свет – могила!
Солнце махает рукой и заходит.
Явление второе

Входит кавалер де Мортемир.
Мортемир

Она! везде она! о ней лишь говорят
Все голоса тоскующей природы.
Я не один, – река, и лес, и горы,
Деревья, звери, солнце и цветы
Ее, ее зовут и ожидают.
Явись она, – и снежные вершины
За облака ушедших гор пред ней
Поникнут разом, пышные цветы
Пред ней ковер широкий развернут,
Кругом нее львы, барсы, носороги
Счастливою и дружною семьей
Все соберутся вместе и служить
Ей будут; быстрые и шумные потоки
Вдруг остановятся. Сам бурный океан
В последний раз вскипит и, весь свой жемчуг
К ногам ей бросивши, утихнет и замрет,
И зеркалом недвижимым и прозрачным
Пред нею ляжет, чтобы дивный образ
В немом восторге ясно отражать.
Да, это так! Но, боже мой, когда же?
Когда, когда? В ничтожном этом слове
Отчаянье и радость, жизнь и смерть.
(Ложится под дерево)

Явление третье

Кроты

Мы норы роем, роем, роем
И копим на зиму запас.
Вниманья мы не удостоим
Того, что наш не видит глаз.
Про что поют все эти птицы?
О чем цветы здесь говорят?
Краса какой-то царь-девицы!
Ну, этим нас не заманят.

Совы

В развалинах замков, в старинных церквах
Гнездиться мы любим, понеже,

Когда все кругом изменилось, они
Одни остаются всё те же.
Мы любим гнилушки, нам плесень мила,
От ржавчины мы в восхищенье,
Лишь к солнца сиянью и к ярким цветам
Питаем мы все отвращенье.
Могилы манят нас, и даже детей
Рожать мы летим на кладбище.
Опавшие листья и высохший мох
Нам служат приправою к пище.
Мы верим в блаженство, но – только для нас,
Для прочих же – адские муки!
Тогда насладимся вполне, а пока
Мы сложим молебны от скуки.
Но в этих занятиях смущает нас весть
Про новую эту царицу,
Которой явленье нахально так ждут
Дневные все звери и птицы.
Явление четвертое
Вбегаёт Халдей с дорожным чемоданом.
Халдей
От возлюбленной прекрасной
Я бежал в сей лес ужасный.
Сколько горести напрасной
Перенес я с ней, – несчастный, –
И не перечить!
Наконец настало время,
И сие мне стало бремя
Не по силам несть
(Замечает Мортимира и подходит к нему.)
Сообщи тебе, как другу:
Я прелестную подругу
Умертвить уж собрался
Но лишь мысль сия возникла,
Уж она в нее проникла –
И я бегству предался.
Явление пятое
Те же и Инструмент
Инструмент
От возлюбленной прекрасной
Я бежал в сей лес ужасный etc.
(Замечает Мортимира и Халдея и подходит к ним.)
Сообщи вам по секрету:
Я возлюбленную эту
Собрался уж придушить,
Но потом вдруг стало жалко,
И, схватив суму и палку,
Я пустился во всю прыть.
Явление шестое
Вбегаёт Сорвал без всякого багажа и в ночном костюме.
Сорвал
От возлюбленной ужасной
Я бежал в сей лес прекрасный etc.
(Замечает прочих и подходит к ним.)
Сообщи вам для секрета,
Что она из пистолета
Уж стреляла мне в живот.
Но револьвер дал осечку,
И, сваливши стол и свечку,
Я скорей бежал – и вот
Трое
(вместе)
Мы бежали три дня и три ночи,
Есть так хочется нам, что нет мочи!
Халдей
Но теперь уж опасности нет,
И поэтому вот мой совет.
Вы позвольте вам всем предложить
Выпить водочки и закусить.
(Вынимает из чемодана припасы, и все располагаются под деревом.)
Сорвал и Инструмент

Совет охотно принимаем

И с избавлением поздравляем.

(Чокаются.)

Халдей

От любовниц и от жен

Навсегда освобожден,

Я в присутствии природы

Пью за здоровье свободы!

Все

Ура!

Халдей

Но посмотрите: что это за странная фигура к нам приближается?

Сорвал

Судя по костюму, это, должно быть, животное ископаемое.

Инструмент

А судя по носу, это – или монах, или сапожник.

Халдей

Тем лучше, новый собутыльник.

Явление седьмое

Подходит Неплюй-на-стол в необыкновенном полуазиатском костюме и с посохом.

Халдей

Послушайте, почтеннейший! Позвольте вас угостить

закуской и вином.

Сорвал

Хотя ваша одежда показывает, что вы родились до изобретения пищи и питья, но все-таки, прошу вас, сделайте нам компанию. Для компании, сами знаете, жид удавился.

Халдей

(наливая водки)

Иль, может быть, Вы любите бордо?

Неплюй-на-стол

Я попрошу и водки, и бордо.

Хоть я излишеством гнушаюсь,

Но тем не менее решаюсь

И есть, и пить всё, что дадут.

(Садится и пьет.)

Не ожидал найти я тут –

В лесу глухом – такую встречу!

Халдей

Но кто Вы сами?

Неплюй-на-стол

Я отвечу

Сейчас, но прежде оказать

Вы мне должны одну услугу.

От Куку-Нора чрез Калугу

Я шел затем, чтоб отыскать

Того, чье имя в Кашемире,

Во всём Тибете и Памире

Весьма известно, – говорю

О кавалере Мортемире.

Его Вы знаете?

Все

Вот он!

Неплюй-на-стол

(про себя)

Я нетерпением горю

Раскрыть пред ними мой картон.

(Встает и, вынув из-за пазухи завязанный картон, обращается к Мортемиру)

Любезный кавалер! Ты видишь пред собой

По телу дряхлого, но бодрого души

Служителя науки из наук.

В дорожной мантии и опершись на сук,

Пришел издалека я, чтобы весть

Тебе неожиданную, но добрую принести

Прочти и рассуди! Пергамент сей

Я отыскал в развалинах Пальмиры.

(Развертывает картон и, взяв оттуда пергамент, подает Мортемиру.)

Я изучил его в тиши ночей

И папиросою прожег вот эти дыры.

Мортемир

(читает)

«Аз-буки-ведь, аз-буки-ведь.
Здесь смысл возвышенный и тайный,
Его откроет лишь медведь,
Владея силой чрезвычайной.
Но вечно-женский элемент
Тут не останется без роли:
Когда лазоревый пигмент
Избавит душу от мозоли,
Лилеи белой благодать
Везде прольет свою тинктуру,
И род людской, забыв страдать,
Обнимет разом всю натуру;
Повсюду станут лад и мир,
Исчезнут злоба и мученье.
Тогда и ты, о Мортемир,
Найдешь душе успокоенье».
Что ж это значит?
Неплюй-на-стол
Не лукавь!
Я знаю всё. Во сне и въявь
Ты ищешь Белую Лилею,
А я сказать тебе сумею,
Где можешь ты ее найти
Мне к ней известны все пути,
И я попутчиков сзываю.
Когда, Пальмиру разрывая,
Я сей пергамент отыскал,
Он был длиннее ровно вдвое
И всё, что нужно, содержал
Но, к сожалению – не скрою –
Я половину потерял.
Но я так часто повторял
В уме своем все указанья,
Что хоть сейчас без колебанья
Тебя провести бы я сумел:
Мои ум остер, и дух мой смел!
(К прочим)
Друзья! и вам я предлагаю:
За мной – к потерянному раю!
Халдей и Инструмент
Что ж, пожалуй! Всё равно деваться некуда!
Сорвал
А что ж такое – эта Белая Лилия, почтеннейший? Женщина?
Неплюй-на-стол
Отчасти в этом роде.
Сорвал
Гм! Женщина. Но – без пистолета?
Неплюй-на-стол
Ни пистолета, ни ружья!
В том вас могу уверить я!
Сервал
Ну, так и я согласен. Да здравствует Белая Лилия!
Неплюй-на-стол
(посматривая на вино)
Да, Белая Лилия, да!
Так как же теперь, господа?
Все
Идти так идти!
Неплюй-на-стол
Идти нам лучше на рассвете,
А здесь пока бутылки эти
Нам силы новые дадут
И от простуды нас спасут.
Все
Это дело, это дело!
Подождем, чтоб заалело
На востоке, а пока
Подкрепим себя слегка.
(Едят и пьют.)
Халдей
Не спеть ли песню нам, друзья?

Неплюй-на-стол

Всегда к услугам вашим я.

Инструмент

Халдей, ты первый запевай,

Ну, не ломайся, начинай.

Халдей

(Поет)

Я добился свободы желанной,
Что манила вдали, словно клад.

Отчего же с тоскою нежданной,

Отчего ж я свободе не рад?

Сердце ноет и падают руки,

Всё так тускло и глухо вокруг

С рокового мгновенья разлуки,

Мой жестокий, мой сладостный друг.

Теперь ты спой нам, Инструмент.

Ну, инструмент!

Инструмент

В один момент.

(Поет)

Мы сошлись с тобой недаром,

И недаром, как пожаром,

Дышит страсть моя!

Эти огненные муки –

Только верные пороки

Силы бытия.

В бездну мрака огневую

Льет струю свою живую

Вечная любовь

И из пламенной темницы

Для тебя перо Жар-птицы

Я добуду вновь.

Свет из тьмы. Над черной глыбой

Вознестися не могли бы

Лики роз твоих,

Если б в сумрачное лоно

Не впивался погруженный

Темный корень их.

(Кончив петь)

Уступим место Мортимиру!

Ну, Мортимир! Бери-ка лиру!

Мортимир

(Поет)

Ах! далеко в Тибетском плоскогорий

Живет мой друг.

А здесь один томлюсь в тоске и горе я...

Темно вокруг.

И лишь порой в тумане сновиденья

Я вижу то,

Что видеть мог без всяких затруднений я

Тому лет сто.

Иль, ослабев, умру с тоски и горя я,

Судьбам в укор,

Иль путь найду в Тибета плоскогорие

Чрез Куку-Нор.

Неплюй-на-стол

Ах, молодые люди, молодые люди! Вы всё еще любовью интересуетесь. Совсем пустое дело, бабье дело!

Халдей

Почтеннейший! в том нет сомненья,

Что бабы – дрянь! Но дело в том,

Что в настоящем положенье

Без них мы вряд ли проживем.

Чтоб пояснить вам мысль мою,

Еще я песенку спою.

(Поет)

Женщин вы чтите:

Жизнь человечесью

Они украшают!

Шерстью овечьей

Они вышивают

Ковры и подушки
И вяжут чулки;
Они покрывают
Постель одеялом,
А также бывают
Для нас идеалом.
Без женщин жизнь наша
Была б лишена
Всего, что высоко и свято.
Текла бы она,
Мелка и ровна,
Без радужно-светлых идей,
Без пламенно-бурных страстей
И без впечатлений богатых.
Мы жили б одни: без детей,
Без няnek, кормилиц, без прачек и швей,
И не было б даже мужей
Рогатых!
Инструмент
Чья очередь теперь? Сорвала? Эй!
Сорвал, Сорвал, дурак!
Ну, пой, осел, скорей.
Сорвал, тебя мы ждем!
Тьфу, пропасть! Спит он крепким сном.
(Будит его.)
пой, скот бессмысленный!
Сорвал
(Поет)
Солнце ходит низко,
На дворе метель.
Друг мой, повернись-ка
И пойдем отсель!
(Останавливается и смотрит вопросительно.)
Все
А дальше?
Сорвал
Дальше я забыл.
Халдей
Осел ты есть, каким и был.
Инструмент
Оставь его! Пусть валится под стол!
Ну, ты нам песню спой, Неплюй-на-стол!
Неплюй-на-стол
(Поет)
В огромном, дремучем сосновом лесу,
который растет на Чукотском носу, —
В нем много деревьев, деревья большие, —
Когда-то родился в сей самой глуши я!
Я родился в глуши,
И расцвел я в тиши,
И не ведал губительных гроз.
Проходили года,
Вдруг случилась беда:
Посетил нашу землю мороз!
Посетил нас жестокий мороз, господа!
И вот в самый мороз
Отморозил я нос
На Чукотском носу, господа!
И с тех пор у меня
Он краснее огня, —
Вот что может наделать мороз,
Вот что может наделать жестокий мороз
На Чукотском носу, господа!
Халдей
Ну, нос твой красен не от холоду.
Признайся, много пил ты смолоду?
Неплюй-на-стол
Я пил, и пью, и буду пить!
Здесь высшее предназначенье:
Возможно нас лишить имения,
Рассудка, чести нас лишить,

Но что мной выпито – поверьте –
Оно мое до самой смерти.

Мортемир

Оставим это! В путь пора!

Когда та синяя гора

С вершиной сумрачной своей,

От первых солнечных лучей

Побагровевши, запыляет,

Тогда вступить нам подобает

В пределы радужных полей.

Но для успеха предприятия,

В борьбе с враждебной судьбой,

Мы заключим, друзья и братья,

Все, без малейшего изъятия,

Союз навеки меж собой.

Все

Ладно, ладно, по рукам!

Халдей

Только нам

Полагаю б, не мешало

Расспросить его сначала,

Хватит ли ее на всех?

Неплюй-на-стол

На всю природа хватит, милый человек!

На всю природу, ты уж мне поверь!

Все

Ну, так, значит, теперь

Вместе мы, господа,

Поспешаем туда,

Где лилея цветет

И блаженство нас ждет.

Неплюй-на-стол

Но просить позвольте вас

Мне сказать, сколько нас?

Все

Нас всех пять,

Нас всех пять!

Потрудитесь сосчитать:

Раз, два, три, четыре, пять!

Сосчитаем опять:

Раз, два, три, четыре, пять!

И т. д. in infinitum.[45]

действие третье

Сцена первая

Большой запущенный сад вблизи южного Тибета. На первом плане вход в обширную пещеру, закрытый пурпуровою занавескою.

Явление первое

Входят кавалер де Мортемир, Неплюй-на-стол, Халдей, Сорвал и Инструмент

Неплюй-на-стол

Вот сюда, вот сюда!

Этот сад, господа,

Есть тот самый, куда

Мы стремились.

Все

Да, да!

Но для чего сия пещера?

Неплюй-на-стол

Пещеры нет! То лишь химера,

Иллюзия, обман и сон.

Ей быть здесь вовсе не резон

В пещере может жить дракон,

Медведь иль ящур, но царица –

Я в том готов хоть побожиться –

живет отнюдь не в сей пещере,

А в замке, иль по крайней мере

В высокой башне.

Халдей

Где ж они?

Неплюй-на-стол

Вон, видите ли, там огни?

Халдей

Что врешь ты! Среди бела дня
Не увидеть тебе огня.
Неплюй-на-стол
Вон башня высится, а вой
Выходит дама на балкон,
То, верно, фрейлина царицы,
Украшена пером Жар-птицы,
За ней придворные чины,
В мундиры все облечены...
Что вижу? Кушают блины!
Какой прекрасный жирный блин!
Халдей
Он нас морочит, чертов сын!
Инструмент
К нам относится презрительно!
Все
Бить его неукоснительно!
Неплюй-на-стол
Не сердитесь, друзья,
Не судите строго,
Если изредка я
Пошучу немного
В этом нет большой беды.
Лучше сядемте сюды,
И коль есть у вас запас,
Мы закусим тот же час.
Халдей, Сорвал и Инструмент
Вот так прекрасно,
Вот это так.
Видим мы ясно:
Он не дурак.
Неплюй-на-стол
(самодовольно)
Да, это ясно:
Я не дурак.
Мортемир
Могу ль я пить и есть,
Не зная, где она?
Здесь – вижу – тайна есть,
И даже не одна!
Неплюй-на-стол
Поверьте мне: сии пределы
Она оставила для дела,
Но лишь заблещет луч денницы,
Назад вернется в колеснице.
Мортемир
(изрядно выпив и закусив, встает и, подняв руку к небу)
Довольно! Нету сил! Пусть праведный мой гнев
Вас в сердце поразит негодованья жалом!
Ужель мы шли сюда, всё бросив и презрев,
Затем, чтоб пить и есть, подобно каннибалам?
Все
(поспешно доедая и допивая)
Ну-с, мы готовы!
Что ж предпринять?
Мортемир
(мрачно)
Венец терновый
Нужно стяжать.
Халдей
Это конечно!
Но как начать?
Мортемир
Рад бы сердечно
Вам я сказать,
Если бы знать я
Мог это сам...
Из пещеры раздается страшный рев.
Кто там проклятья
Шлет к небесам?
Сомнения нету!

Тайна здесь есть!

В пещеру эту
Должно пролезть.
Неплюй-на-стол
Но прежде нужно
Занавес снять,
Тяните дружно,
Не отставать!

Все

(Берутся за занавес, но потом Халдей, Инструмент и Неплюй-на-стол отступают и каждый, отвернувшись, поет)

Но я трепет ощущаю,
Потому что – впереди
Что нас ждет, ведь я не знаю.
Дай-ка стану позади.

(Стараются встать каждый сзади всех. Перед занавесом остается Мортемир, погруженный в задумчивость, и Сорвал, с недоумением озирающийся.)

Неплюй-на-стол

Друг любезнейший, Сорвал!

Ты бы занавес сорвал!

(Отбегает еще дальше.)

Сорвал

Весьма охотно повинюсь

И рву его, не обинуясь!

Срывает занавес. Из пещеры выходит большой Медведь и с ревом становится на задние лапы.

Неплюй-на-стол

Ай, ай, ай!

Хватается за живот и падает мертвый Сорвал, Халдей и Инструмент обнажают шпаги. Медведь поворачивается к ним спиной. Тогда они, скрестивши шпаги, кладут на них труп Неплюя и уносят его, напевая на мотив: «Как я рад, капитан что я Вас увидел».

Халдей, Сорвал, Инструмент

Он погиб, он погиб

Жертвою отваги –

Пусть носилками ему

Служат наши шпаги!

Мудрость с храбростию он

Сочетал искусно,

Но внезапно был сражен

Сей болезнью гнусной!

Он погиб, он погиб

Жертвою отваги –

Пусть носилками ему

Служат эти шпаги.

Явление третье

Мортемир и Медведь

Голос из четвертого измерения

Блаженства дверь

Потом – не теперь –

Откроет зверь.

Люби и верь!

Мортемир

Люблю я и верю

Вот этому зверю.

Голос из четвертого измерения

All right![46]

Сцена вторая

Явление первое

Несколько недель после первой. Другое место в том же саду. Пещера вдали. На первом плане – высокая могила, около которой в позе отчаяния стоит кавалер де Мортемир.

Мортемир

Последний уголек в душе моей остыл!

Как я любил его, и как хорош он был!

Какая грация развалистых движений!

В глазах задумчивых какой светился гений,

Какая мудрость! Я увидел в нем

Последний якорь жизненного судна.

Он говорил на языке своем,

Хотя без слов, но понимать не трудно

Его мне было любящей душой.
И он любил. Мохнатый и большой,
Он ласков был, как маленькие дети.
Как он вертел прекрасной головой!
Увы! Мгновения блаженнейшие эти
Промчались бесследно, как во сне.
Скончался он... И что же делать мне?
А, знаю что! К натуре стану задом,
Кинжал – в живот, и с ним улягусь рядом!
(Хочет заколоться, как вдруг над могилой Медведя появляется Белая Лилия.)

Явление второе
Белая Лилия
От тебя, мой милый,
Я не скрою, что
Под моей могилой
Нету ничего.
Мортемир
Твои черты небесно хороши!
Но где же он, медведь моей души?
Белая Лилия
Медведь живет, – лишь нет медвежьей шкуры
Но не скорби, мой друг! Здесь таинство природы.
В медведе я была, теперь во мне медведь.
Как некогда его, меня люби ты впредь.
Невидима тогда
Была я, а теперь –
Невидим навсегда
Во мне сокрытый зверь.
Мортемир
(в экстазе)
Теперь блаженства нам
На всю достанет вечность.
Недаром же он сам
Сосал свою конечность.
Обнимаются и, поднявшись на воздух, вдруг переходят в четвертое измерение.
На бывшей могиле медведя вырастают белые лилии и алые розы.

Явление третье
Входят Галактея, Терebinда и Альконда
Галактея, Терebinда и Альконда
(вместе)
Мы устали, мы устали,
Мы блудили, мы блуждали,
Неожиданного ждали,
Небывалого искали –
Всё по пустякам
(Подходят к могиле и любуются цветами)
Галактея
Эти лилии и розы
Нас уносят в царство грезы, –
Не уснуть ли нам?
Альконда
Не спала я две недели.
Отдохните, в самом деле.
Терebinда
От скорбей и от забот
Нас укроет этот грот.
Галактея
Да, связавши по букету,
Мы войдем в пещеру эту.
Делают букеты и уходят в пещеру.

Явление четвертое
Входят Халдей, Инструмент и Сорвал.
Халдей
Да под кустами – то хорошенько пошарьте, под кустами пошарьте, говорят вам,
экий bestолковый народ!
Сорвал
Да что шарить – то, – я уж и так в кучу неприятностей попал.
Инструмент
Смыло его дождем, должно быть, а то ветром унесло,
Сорвал
Вон что – то белеется.

(Поднимает бумагу и бросает.)

Халдей

Бумажка точно, да не та!

Эх ты, Емеля-простота!

Сорвал

Ан и нашел!

(Поднимает пергамент мудреца неплюй-на-стол)

Целехонек, смотрите.

Халдей

(берет и читает)

Ну, вот, я говорил, так оно и есть:

«Аз-буки-ведь, аз-буки-ведь –

Здесь смысл возвышенный и тайный, –

Его откроет нам медведь,

Владея силой чрезвычайной».

Вот видите: медведь. Всё, значит, шло, как нужно, и мы только сдуру перетрусили, а тот старый шут – пуще всех. Вот у Мортемира-то губа не дура: он с медведем остался; теперь, наверно, и Белую Лилию заполучил, а мы тут всё шляемся, как оглашенные.

Инструмент

Отыскать их непременно.

Сорвал

Да где ж искать?

Инструмент

Известно где. Вон и пещера та самая.

Халдей

Сорвал, душа моя, сбегай – сделай милость – загляни в пещеру!

Сорвал

С величайшим удовольствием.

(Скрывается в пещере и через несколько минут кричит оттуда)

Эй, эй, Халдей!

Сюда, скорей!

Эй, Инструмент,

Лови момент!

Халдей

Кого нашел там, говори!

Явление пятое

Сорвал выходит из пещеры, за ним Альконда, Галактея и Терebinда.

Сорвал

Лилея белая, смотри:

Да не одна, а целых три.

Халдей и Инструмент

Черты знакомые, но с новой красотой.

Халдей

(указывая на Галактею)

Я эту пленен!

Инструмент

(указывая на Терebinду)

А я вон тою!

Альконда, Галактея и Терebinда

(подавая каждая свой букет своему респективному кавалеру)

Милый друг, меня узнал ты?

Хоть другую здесь искал ты,

Покорись судьбе.

Халдей, Инструмент и Сорвал

(каждый своей даме)и

Я об этом не жалею,

ибо Белую Лилею

Узнаю в тебе.

(Обнимаются попарно и затем, сойдясь все вместе, поют)

Белую Лилию с розой,

С алою розою мы сочетаем –

Сердца пророческой грезой

Вечную истину мы обретаем.

Вещее слово скажите!

Жемчуг свой в чашу бросайте скорее!

Нашу голубку свяжите

Новыми кольцами древнего змея.

Вольному сердцу не больно.

Ей ли бояться огня Прометея?

Чистой голубке привольно

В пламенных кольцах могучего змея.

Пойте про бурные грозы:

В бурной грозе мы покой обретаем.

Белую лилию с розой,

С алою розою мы сочетаем!

Занавес

1878–1880

Дворянский бунт

Современно–гражданская пьеса с учеными примечаниями и спиритическими явлениями.

Сцена первая

Приемная дворянского банка. Князь Мещерский, окруженный толпою столбовых дворян, имеющих под мышкой свои столбы с целью заложить оные.

Мещерский

(ко всем)

Ликуй, российское дворянство!

Вступи опять во все права гражданства

и с благодарностью читай лишь «Гражданин».

Прошел период оскуденья.

Прошу у вас внимания и бденья!

Вы знаете меня: я чистый дворянин.

Хотя не чист от кой–каких пороков

и даже оными горжусь,

но в мнении китов, на коих дремлет Русь,

я самый истинный из всех ее пророков.

Достигнуть я могу всего, за что берусь,

сочувствует моим стремленьям промысл божий,

и путь к величию – лишь из моей прихожей.

я – Дрожжи для одних, другим я – хлороформ:

Крамола крепко спит, и либералы скисли.

Турецкий мой диван, где я рождаю мысли,

Турецкий мой диван–гнездо благих реформ.

Уж мальчики, резвясь, бросают к черту книжки,

Пример с городских берет профессора.

Под розгою в руках у земского ярыжки,

довольный участью, холоп кричит: ура!

Хоть был неурожай – страна весьма богата:

на Невском встретил я сановного кастрата,

носителя побед:

Унынья прежнего на нем исчез и след:

уж у него растут усы и блещут очи...

Дворяне

(перебивая его)

Нельзя ли покороче!

Мы это всё читали.

О бренном лишь металле,

о займе нам нельзя ли

немедленно поведать.

Мы все хотим обедать,

мы все хотим к Кюба!

Мещерский

Как? Разве главного я не сказал? А, ба!

Избыток дум рождает многословье.

Благословляй меня, дворянское сословье!

Подписывайся впредь всегда на «Гражданин»:

врагов я победил, и совершил один,

на что у многих не хватало мочи...

Дворяне

(перебивая)

Нельзя ли покороче!

Мы это всё читали.

О бренном лишь металле,

о займе лишь нельзя ли

немедленно поведать

мы все хотим обедать,

мы все хотим к Кюба!

Мещерский

Извольте! вострублю, как судная труба.

на основанье мудрого решенья

Совета высшего, а также понужденья

уж состоялось повеленье:

В залог отныне банк берет
Буквально всё: поношенный берет,
Поля от шляп, поля поместий,
Штаны, болота, чувство чести –
Истлевший сей анахронизм, –
Но вот что возбудить должно патриотизм:
Дворянский банк в залог приемлет ваши души!
Отсюда видно вам, сдерем какие куши
Мы с сиволапых мужиков!
Сентиментальность прочь! Святой девиз таков:
Бери, закрыв глаза, заткнув плотнее уши
От либеральной чуши!
Закон прошел с немалым торжеством...
Он, собственно, одобрен меньшинством,
Но это всё равно! Дремали генералы,
С улыбкой жалкою бывшие либералы
Безмолвно слушали, дрожа за свой оклад,
А некий муж из них, с охотой большую
Загладить прошлое, поправку внес в доклад,
Усильно требуя, чтоб, наравне с душою,
И право на бессмертие в залог
Без всяких оговорок принималось.
Для смет строительных то новый был предлог.
Во исполнение закона оставалось,
Чтоб делом увенчать прекрасных слов поток
И поддержать устои вековые, –
Для душ устроить кладовые.
И под моим лучом возникла, как цветок
На удобренной почве, лотерея.
Спешите ж, господа, спешите поскорее
И души заложить, и всё, car mon avis:[47]
Лови, лови часы любви!
Дворяне восторженно благодарят Мещерского и, кланяясь, ударяют своими
столбами по его голове, откуда исходит звук, как бы из медного сосуда,
наполненную торичеллиевую пустоту. Одновременно раздаются трубные звуки.
Атмосфера комнаты постепенно насыщается «духом старины»[48], образовавшиеся в
пары сгущаются под потолком в облако, из которого показывается фигура
капитана Борозды[49] и благословляет присутствующих.
Дворяне
Благословил нас Борозда,
Держитесь крепко, дружно.
Мы все – птенцы его гнезда, –
Нам всем лишь денег нужно.[50]
Мужичьих душ лишили нас,
А мы по христианству
Свои отдать хотим сейчас –
Честь русскому дворянству!
В иные, новые бразды
Свое мы семя кинем
И выше знамя Борозды
Над Родиной поднимем
Как обернулася судьба!
Как вывез бог нас русский!
Теперь скорей, скорей к Кюба!
Пора, пора к закуске!
Уходят, слегка канканируя. Входит старый сторож. Сперва останавливается в
недоумении, потом плюет, крестится и отворяет форточку.
Сторож
Уж где Мещерский побывал –
Святых вон, – а ведь барин!
Такого духу не пущал
И сам Фаддей Булгарин.
Сцена вторая
По прошествии месяца Собрание заемщиков дворянского банка. На эстраде
новоназначенный член Совета Дворянского Банка А.П. Саломон, имея в левой
руке сторублевую бумажку.
Саломон
(читает)
Вследствие представления г. Управляющего Дворянским Банком, гр.
Голенищева-Кутузова, за № 10337, г. министр финансов, принимая во внимание,
что все кладовые банка переполнены заложенными дворянскими душами, а равно

Соловьев В. Полное собрание сочинений filosoff.org
и залоговыми на бессмертие свидетельствами; принимая далее во внимание, что дворянская душа – товар нежный, легко предающийся тлению и приходящий в совершенную негодность, предложил прекратить дальнейший прием душ, а равно и на бессмертие свидетельств; остающуюся в банке свободную личность предоставить г.г. заемщикам как последнюю льготную ссуду без залога и процентов.

Г.г. дворяне! в банке имеется свободного капитала ровно сто рублей кредитных...

Дворяне устремляются к Саломону, чтобы перехватить радужную, но пришедшими в движение столбами преграждают друг другу дорогу и приходят в замешательство. Саломон поспешно убегает, потрясая спасенною сторублевкою. Дворяне бросают столбы и поднимают руки к небу.

Дворяне

Нас вдохновил Мещерский:

Мы стали смелы, дерзки,

И вам, бунтовщики,

Мы не хотим дать спуску:

Кутузова – в кутузку,

Et nous verrons qui – qui.[51]

Мы у него поищем

Рублей за голенищем!

Друзья! нам дан предлог.

Дворяне и дворянки!

Скорее шарить в Банке!

Валяйте! С нами бог!

Дворянин

(восторженный)

Мы тридцать лет терпели!

Теперь совсем у цели!

Держитесь, господа!

Дворянин

(скептик)

Мещерский неужели

И в этом важном деле

Попал, да не туда?

Являются сторожа со швабрами и выгоняют вон всех дворян.

Старый сторож

(solo[52]вздыхая и качая головой)

Я богу благодарен

за то, что я не барин.

1 сентября 1891

Примечания

1

Сила пребудет нераздельной, если обратится в землю (лат.)

2

Стих. Толстого.

3

«Глас хлада тонка»– выражение славянской Библии.

4

А. А. Фет, которого исключительное дарование как лирика было по справедливости оценено в начале его литературного поприща, подвергся затем продолжительному гонению и глумлению по причинам, не имеющим никакого отношения к поэзии. Лишь в последнее десятилетие своей жизни этот несравненный поэт, которым должна гордиться наша литература, снова приобрел благосклонность читателей и критиков. Первым публичным выражением этой перемены в отношении к нему было суждение Академии наук, удостоившей полной Пушкинской премии его переводы из Горация и Гете. Это признание его заслуг имело для фета особенное значение потому, что было связано с именем боготворимого им Пушкина (сюда относятся слова «сам орел поэзии родимой»).

5

Волна, разлученная с морем (итал.)

6

Свет с Востока (лат.).

7

Или Деир, по неправильной греческой транскрипции, – равнина в Халдее близ Вавилона. (Примеч. Вл. Соловьева.)

8

Приветственный клич вождю па гаэльском языке. Эта песня есть почти буквальный перевод из Вальтера Скотта (Lady of the Lake).

9

Я позволил себе изменить принятое ударение. Ошибки против духа языка тут

Соловьев В. Полное собрание сочинений filosoff.org
нет, так как вполне аналогичное слово волк сохраняет ударение на первом слоге и в косвенных падежах. Основание для произношения волком и полком есть единственно только *usus – tyranniis* (обычай – тиран (лат.)) и в этом случае (иначе в каком же?) вступает в свои права *licentia poetica* (поэтическая вольность (лат.)).

10

Книга эта еще готовится к печати.

11

Эта известная элегия (вольный перевод с английского) была написана В. А. Жуковским осенью 1802 г., в селе Мишенском, близ Белева, и напечатана в «Вестнике Европы» Карамзина (ч. 6, № 24, стр. 319). Несмотря на иностранное происхождение и на излишество сентиментальности в некоторых местах, «Сельское кладбище» может считаться началом истинно-человеческой поэзии в России после условного риторического творчества Державинской эпохи.

12

Стих Жуковского.

13

Вечная женственность (нем.)

14

Гностический термин.

15

См. стихотворение «Земля-владычица! к тебе чело склонил я...»

16

Она этой строфы была простою маленькой барышней и не имеет ничего общего с тою ты, к которой обращено вступление.

17

Здесь: с иронией (лат.).

18

Стих Лермонтова.

19

Стихи Полонского:

Но боюсь, если путь мой протянется
Из родимых полей в край чужой,
Одинокое сердце оглянется
И забьется знакомой тоской.

20

Призраки (франц.)

21

Не скрою от читателя, что цель моего «Пророка» – восполнить или, так сказать, завершить соответствующие стихотворения Пушкина и Лермонтова. Пушкин представляет нам пророка чисто библейского, пророка времен давно минувших, когда, с одной стороны, прилетали серафимы, а, с другой стороны, анатомия, находясь в младенчестве, не препятствовала вырывать у человека язык и сердце и заменять их змеиным жалом и горячим углем, причиняя этим пациенту лишь краткий обморок. Пророк Лермонтова, напротив, есть пророк настоящего, носитель гражданской скорби, протестующий против нравственного упадка общественной среды и ею натурально изгоняемый. Согласно духу современности, в стихотворении Лермонтова нет почти ничего сверхъестественного, ибо хотя и упомянуто, что в пустыне пророка слушали звезды, но отнюдь не говорится, чтобы они отвечали ему членораздельными звуками. Мой пророк, наконец, есть пророк будущего (которое, может быть, уже становится настоящим), в нем противоречие с окружающей общественной средой доходит до полной несоизмеримости. Впрочем, я прямо продолжаю Лермонтова, как и он продолжал Пушкина. Но так как в правильном развитии всякого сюжета третий момент всегда заключает в себе некоторое соединение или синтез двух предшествовавших, то читатель не удивится, найдя в моем, третьем пророке, мистический характер, импонирующий нам в пророке Пушкина, в сочетании с живыми чертами современности, привлекающими нас в пророке Лермонтова. Но пусть дело говорит за себя.

22

Рифма, простительная только в импровизации, но слово недурное.

23

Не следует разуметь буквально.

24

Следует разуметь более чем буквально, кроме собак дворовых имея в виду и собак духовно-литературных.

25

Смотри статью «Первая ступень в пользу домашних насекомых»

26

По свидетельству древних писателей, римские щеголихи весьма любили терпентинное масло, придающее запах фиалки таким выделениям организма,

Соловьев В. Полное собрание сочинений filosofff.org
которые натурально этого запаха не имеют.

27

En tout bien tout honneur, honni soit qui mal y pense. (Примеч. Вл. Соловьева.) – Каждому по заслугам, и да будет стыдно тому, кто плохо об этом подумает (фр.)

28

От греческого «ληθοξ» или от русского «летать».

29

Все-таки (франц.).

30

Из неоконченного (франц.)

31

Священный обычай у индусов.

32

Это не означает порицания. Статью твою о времени и третью, как вторую, в общем одобряю. Частные возражения сообщу при свидании.

33

Продолжение следует (франц).

34

Под Кутузовым можно разумеать ad libitum (по желанию (лат.) покойного фельдмаршала князя Смоленского, а равно нынешнего директора трех банков и певца смерти.

35

Под тульским архиереем сии лукавые и нечистые твари разумеют покойного преосвященнейшего Никандра, который настолько упростил свое миросозерцание, что у всякой женщины осматривал лишь «обыкновенное женское лицо».

36

Приписываемое В.С. Соловьеву

37

Приписываемое В.С. Соловьеву

38

Жизнь входит (франц.).

39

Дайте мне руку (франц.).

40

Я не могу больше (франц.).

41

Боже, какой он дурак (франц.).

42

На помощь, на помощь! (франц.).

43

Если так (франц)

44

Спасибо (франц).

45

До бесконечности (лат.).

46

Отлично! (Англ.)

47

Ибо мое мнение (франц.)

48

В химии сей газ более известен под другим названием.

49

Борозда – гвардии капитан и ересеарх. Неправо мыслил о главной христианской добродетели–любви и о путях оной. Известный стихотворец Пушкин, особливо твердый в истинном догмате, кратко, но сильно обличил его в пьесе:

Накажи, святой угодник,

Капитана Борозду...

50

Т.е. не нужно даже женщин.

51

И посмотрим, кто кого (франц.).

52

Один (итал.).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет

Соловьев В. Полное собрание сочинений filosoff.org
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!